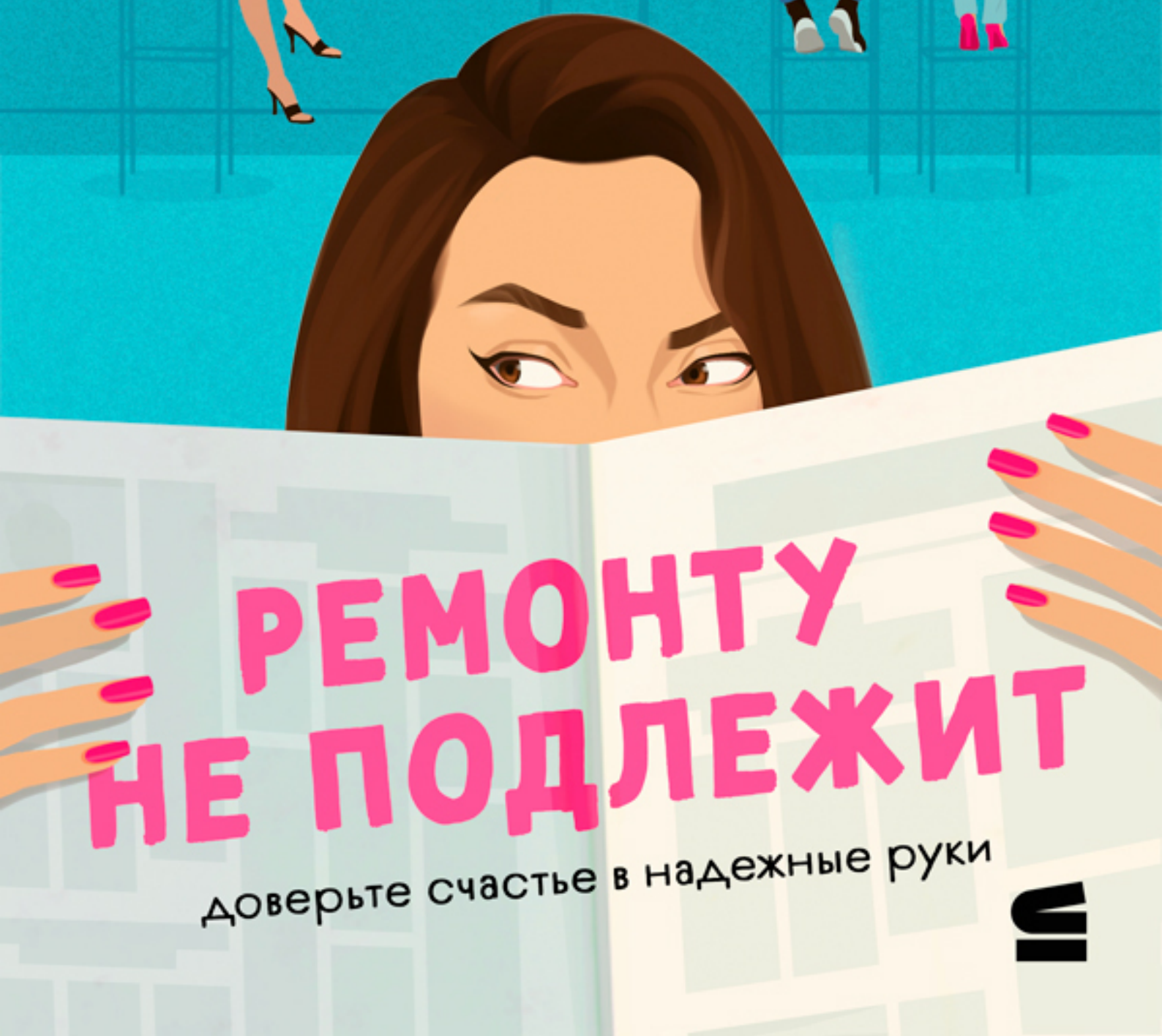

An illustration of a bar scene. A bartender in a blue vest and white shirt is serving a woman in a pink dress who is sitting on a bar stool and holding a glass. In the background, a man and a woman are sitting on bar stools, talking. The bar has shelves with bottles and a menu board.

Лорен Форсайт

в переводе
Юлии Змеевой

A close-up illustration of a woman with long brown hair looking over the top edge of a newspaper. Her hands, with pink nail polish, are visible holding the paper. The newspaper has a grid pattern in the background.

**РЕМОНТУ
НЕ ПОДЛЕЖИТ**

Доверьте счастье в надежные руки

Лорен Форсайт

Ремонту не подлежит

«Строки»

2022

Форсайт Л.

Ремонту не подлежит / Л. Форсайт — «Строки», 2022

ISBN 978-5-00216-453-0

У Али странный талант — после отношений с ней любой мужчина становится успешным. Решив монетизировать свои способности, вместе с друзьями Али открывает «Ремонт судьбы» — сервис для женщин, которым нужна помощь с их партнерами. Проект сразу же становится успешным, причем настолько, что к ним за помощью обращается звезда соцсетей — ей необходимо «починить» своего бойфренда. Есть только одна проблема: этот бойфренд лучший друг детства и первая любовь Али. Как починить парня, которого ты всегда считала идеальным? Bookstr: Этот роман посвящен всем женщинам, которые лишь после долгих лет отношений осознают, что тянут на себе абсолютно все. Героиня Алли и ее путь придется по душе многим, фанаты уже ждут экранизации на Netflix! PopSugar: Если вам (или вашему парню) не хватает мотивации, чтобы изменить свою жизнь, «Ремонту не подлежит» Лорен Форсайт обязательно вдохновит вас! Три факта о книге: 1. Автор – звезда BookTok, более 1 000 рецензий на Goodreads. 2. Острсюжетная и очень смешная романтическая комедия о женщине, которая обладает интересной сверхспособностью делать мужчин успешными. 3. История о силе женщины, которую должна прочесть каждая!

ISBN 978-5-00216-453-0

© Форсайт Л., 2022

© Строки, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лорен Форсайт

Ремонту не подлежит

*Женщинам, которые поняли (кто рано, кто поздно), что эгоистка
– не ругательство.*

До меня тоже не сразу дошло.

Lauren Forsythe

The Fixer Upper

© 2022 T-Unit Books Limited.

© Змеева Ю., перевод, 2025

© Юдина М., обложка, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Строки

Глава первая

– Увы, мадам, свободных столиков на одного сегодня нет.

Администратор в «Дарлингтоне» был симпатичный, но какой-то прилизанный. Выражение искреннего сожаления он почти идеально оттренировал – наверное, перед зеркалом. Но скрыть раздраженную складку над бровью и взгляд, то и дело стрелявший мне за спину, где стояла ожидающая парочка, у него не получилось. Вот какие клиенты были ему нужны – разодетые в пух и прах, а главное, не требующие столик на одного.

Ну ладно, посмотрим.

Я обворожительно улыбнулась, почувствовала, как от смущения краснею, но постаралась об этом не думать. Вечно меня выдает привычка краснеть. *Не сейчас, Али*, подумала я.

– Но я же бронировала столик заранее, и вы оформили бронь, значит... может, посмотрите, что получится сделать? – Услышав свой нервный лепет, я пожалела, что не умею превращаться, например, в амазонку, которой срочно нужен стейк и столик на одного, чтобы спокойно отдохнуть после битвы. Или в свою подругу Толу: той попробуй откажи, она такое устроит! *Да, что сказала бы Толо?* Я приосанилась. – И на сайте нигде не говорится, что в вашем ресторане нельзя ужинать в одиночестве!

– Мадам, просто дело в том... – Администратор вздохнул и сверился со списком бронирований. *Говори что хочешь, дружок, я никуда не денусь.*

Взглянув ему за спину – на высокий сводчатый потолок, роскошные люстры и мягкие стулья, обитые розовым бархатом, я наконец позволила себе глубоко и сладко вздохнуть. Я заслужила этот ужин. Заслужила вечер роскоши, вино, подобранное под каждое блюдо, фирменные деликатесы одного из лучших лондонских шеф-поваров. Раз я ужинаю одна, вовсе не значит, что мне все это должно быть недоступно!

Это же просто невыгодно. Думаю, именно это хотел сказать администратор. Пытался деликатно намекнуть, что мне тут не рады. И будь это любой другой вечер, я, может, и пошла бы у него на поводу. Но это был *мой* вечер. Третий четверг.

У меня было правило: в третий четверг каждого месяца я заказываю роскошный ужин, вкусное вино и читаю книгу в хорошем лондонском ресторане. Всегда одна, независимо от того, есть ли у меня кто-то или нет: эта пара волшебных часов должна принадлежать только мне, я должна быть уверена, что в это время меня никто не будет дергать. Третий четверг каждого месяца всегда обведен в моем календаре ярко-оранжевым маркером. Я ни разу не пропустила ни одного четверга и не собиралась позволять какому-то заносчивому официантишке портить мою статистику.

– Слышь, друг, – стоявший за мной мужчина наклонился, и меня окутало облако одеколona, – найди ей столик, а то, знаешь, это смахивает на дискриминацию.

Администратор поджал губы: наверняка представил возможный скандал в соцсетях. *Посетители лондонского ресторана спасают одинокую женщину, подвергнувшуюся угрозе лишиться знаменитых тортеллини от шеф-повара.*

На миг задумываюсь: может, расплакаться? Но администратор, кажется, догадался, что у меня на уме.

– Минутку, – бросил он и исчез.

Я повернулась к своему одеколонному спасителю, хотела поблагодарить... и удивленно моргнула.

– Джейсон!

– Али! – Его лицо просветлело, он вытянул руку, приобнял меня и расцеловал в обе щеки. Стоявшая рядом женщина улыбнулась и склонила голову набок, всем своим видом требуя, чтобы ее немедленно представили.

– Моя жена Диана.

Я неуверенно кивнула жене Диане. Та выглядела совершенно сногшибательно, и я пыталась не разглядывать ее, как она меня, но все же не могла не заметить роскошные темные локоны и обалденно стильный, но не вызывающий наряд. Кажется, мы с ней одновременно пришли к тому же выводу: Джейсон любил определенный тип женщин, но, выбрав Диану, совершил качественный скачок.

Я вдруг ступешалась и провела рукой по своим темным волосам.

– Жена, значит! Вот это да! Поздравляю! – Я почему-то начала говорить одними восклицаниями. Я заставила себя замолкнуть, снова посмотрела на него и заморгала. – Нет, правда. Тебя не узнать.

У этого Джейсона были уложенные назад светлые волосы, приталенная рубашка и наглаженные черные брюки. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть: неужели зубы отбелит? Джейсон, которого я знала пять лет назад, не вылезал из облезлых шорт со множеством карманов и растянутых дырявых футболок, волосы у него были такие же рыжевато-золотистые, как и сейчас, но тогда длинные и спутанные, и он перевязывал их веревочкой. Жил в подвале родительского дома и учил местных ребяташек играть на гитаре, а больше ни о чем и не мечтал. Мы расстались мирно, наши отношения просто изжили себя. У меня так всегда бывало. Все мои отношения рано или поздно себя изживали.

Но он мне нравился. Тогда он казался моей полной противоположностью: такой расслабленный хиппи. В карманах его шорт на чрезвычайный случай всегда лежал протеиновый батончик, на вкус, как картон. Джейсон цитировал философов, путаясь в словах, а потом делал вид, что это его собственные цитаты.

Может, именно поэтому я решила с ним расстаться? Или из-за того, что он отращивал ноготь на мизинце, чтобы играть на гитаре. Этот длинный ноготь всегда меня бесил.

– Да уж, что сказать... со мной случилось... наверное, можно назвать это озарением. – Он повернулся к жене. – Мы с Али встречались, еще когда я был ленивой задницей и жил с родителями. Вообще-то, если бы не она, я бы так и не повзрослел и не взял себя в руки!

Диана вскинула бровь и вопросительно взглянула на меня. В ответ я растерянно пожала плечами.

– Это как?

– Ну, все эти разговоры про потенциал, и что я мог бы достичь чего угодно в жизни, если бы только нашел любимое дело... – Он по-прежнему много жестикулировал, когда говорил; на пальце поблескивало золотое обручальное кольцо. Все ногти были коротко подстрижены.

Я рассмеялась и покраснела.

– Прости, это мое любимое. Обожаю вещать про потенциал. Всем уже надоело.

– Вовсе нет. – Он потянулся и коснулся моей руки; его глаза смотрели на меня с добротой. – Я все думал о том, что ты сказала, и решил съехать от родителей. А потом мне прислали письмо с бесплатного онлайн-курса, на который ты меня записала, помнишь? И я подумал – а почему бы и нет? Прошел его, устроился на работу, встретил Диану – и вот, представляешь, мы уже отмечаем покупку нашего нового дома!

– Ого! – От удивленного моргания у меня уже глаза заболели. – И все это за пять лет? Невероятно.

Я вдруг поняла, к чему идет разговор, и смекнула, что мне никак не отвертеться. Приготовилась к неизбежному: *и кто из нас теперь лучше живет? Кто победитель?*

Вот она, эта участливо склоненная набок голова, а вот и вопрос...

– А ты как? Чем все это время занималась?

Кроме споров с администратором, который не хочет пускать меня за столик для одного в четверг вечером?

– О, да так, ничем, – отмахнулась я, – так и живу в Лондоне, работаю в маркетинге. Вот, в ресторан попасть не могу.

Они вежливо рассмеялись, а я в ужасе заметила, что за нами образовалась очередь. Администратор то-то сердито втолковывал управляющему и бросал на меня убийственные взгляды.

– Ты по-прежнему в том маркетинговом агентстве? Ты же собиралась стать... бренд-менеджером, если я не ошибаюсь? – вспомнил Джейсон, а я еле удержалась, чтобы не поморщиться.

Не думала, что он запомнил. Хотя что такого – Джейсон всегда был милым. Как-то раз мы поехали на выходные в Корнуолл, и он научил меня серфить. Мы сидели на досках в океане, и он говорил, что у меня мудрая душа... Так прекрасно брэнчал на гитаре, а его запястья были увешаны плетеными браслетиками, которые он мастерил, когда нервничал. Но он жил в родительском подвале, а еще однажды высморкался в грязный носок, потому что ему было лень искать бумажную салфетку. Это стало последней каплей. И вот, пожалуйста – женился, купил дом, волосы уложил! Каков, а!

Я приготовилась произнести речь, которую всегда произносила в подобных случаях. Мол, я очень много работаю, у меня большие перспективы и нет-нет, я не застряла на одном месте. Я прекрасно живу и даже не собираюсь ничего доказывать ни тебе, ни твоей жене, не стану мериться браками и домами... Я счастлива, и точка.

– Бренд-менеджер, так точно! – пискнула я. – Скоро-скоро я им буду! Да, я все еще в «Аморе», работы много, мы выросли, мы уже не маленькое агентство, работаем с крупными шишками. У меня в клиентах сплошные айти-компании. И я... все еще в Лондоне, обожаю этот город, этот воздух... ну, вы понимаете. Каждый день что-то новенькое! Собеседование на бренд-менеджера через две недели, и я...

О Господи. Значит, я еще *пять лет назад* мечтала об этом повышении и говорила об этом Джейсону! А мой начальник, Феликс, все это время твердил, что «еще чуть-чуть и будет»! Но так меня и не повысил.

– Мы будем за тебя болеть, – мягко произнесла Диана, видимо, решив, что я абсолютно не представляю угрозы.

– А кроме работы? У тебя кто-нибудь есть? – Джейсон многозначительно задвигал бровями. Меня это взбесило. Жена вlepила ему клатчем по плечу.

– Разве об этом можно спрашивать? – прошипела она, и я мысленно ее поблагодарила.

Я покачала головой и улыбнулась, показывая, что отсутствие «кого-нибудь» в моей жизни меня совершенно не заботит.

– Мне не нужен «кто-нибудь», Джейсон, – ответила я.

– То есть у тебя никого нет?

В этот раз даже Диана разозлилась.

И почему счастливые женатики вечно бравируют своим статусом, заставляя нас, одинок, чувствовать себя проигравшими в игре «Музыкальные стулья»? *Поспеши, а то останешься без стула*, будто намекают они.

Я многозначительно подмигнула.

– Я просто не хочу, чтобы мне мешали веселиться!

Готова поспорить, они подумали: *веселиться – значит, ужинать в шикарном ресторане, куда тебя не пускают?*

Я поморщилась, стала оглядываться и лихорадочно придумывать другую тему для разговора, но, к счастью, у Джейсона на лице возникло мечтательное выражение, и мне не пришлось.

– Я правда хочу сказать тебе спасибо, Али. Честно, если бы не ты, я бы никогда не изменил свою жизнь к лучшему. – Он указал на Диану, и та рассмеялась.

– Да уж, изменился до неузнаваемости, – пробормотала я и улыбнулась. – Очень рада за тебя, Джейсон.

Кивнув в сторону администратора, который шел к нам, Джейсон, понизив голос, произнес:

– И если он тебя не пустит, садись с нами. Нельзя лишать девушку ужина лишь потому, что ее кавалер не пришел. Я за равноправие!

Я склонила голову набок и взглянула на его жену. Та растерянно пожала плечами.

– Очень мило с твоей стороны, но я не собиралась встречаться с... *кавалером*. Я сама себе столик забро...

– Мисс Арести, прошу, следуйте за мной. – администратор взял стопку меню и кивнул в сторону обеденного зала.

Я повернулась к Джейсону и Диане и нарочно громко произнесла:

– Какое облегчение! Мой редактор меня просто убьет, если я сегодня же не сдам ему заметку об этом ресторане! – У администратора дернулся глаз, а Диана опять улыбнулась. Я решила, что она мне нравится и заслужила улучшенную модель Джейсона. – А вас с новосельем!

Я зашагала с высоко поднятой головой, но потом вдруг остановилась и обернулась.

– Джейсон, а как твоя гитара? Играешь?

Он покачал головой: старый добродушный Джейсон.

– Нет, времени нет.

Я кивнула и пошла дальше. Даже не знаю, зачем я это спросила.

Администратор вскинул бровь, будто возмутился, что я остановилась и не продолжаю идти за ним, и я поспешила его нагнать, села за столик и без промедления сделала заказ. Я всегда предварительно просматриваю меню онлайн и решаю, что заказать.

По его лицу я видела, что он хотел возразить – мол, он не официант и не будет принимать мой заказ – но вместо этого изобразил страдальческую улыбку и выслушал меня. Кажется, я победила.

Итак, мой заказ записали, вино принесли, я открыла книгу и наконец смогла выдохнуть.

Вообще-то, третий четверг должен быть радостью, а не испытанием. Единственный день, когда я могу не притворяться, быть собой и ничего ни для кого не делать. Это не свидание, куда я обычно бегу с бурлящей надеждой в сердце, а потом узнаю, что в тридцать пять лет человек, оказывается, еще не проработал детские травмы, не умеет задавать вопросы и слушать ответы, а еще носит разные носки. Нет уж, ходить на свидания с собой гораздо проще.

К тому же, я до сих пор не оправилась от расставания с Майклом. Мы познакомились на фермерском рынке в субботу утром: покупали дорожные оливки. Он взглянул на меня и просто сказал: «Ну привет», да таким удивленным и обрадованным тоном, будто всю жизнь меня ждал и не верил, что я приду, а я взяла и пришла! У него была чудесная улыбка, и он варил лучший капучино из всех, что я пробовала за пределами Италии. Теперь я понимаю, что, наверное, из-за этого не стоило ввязываться в отношения, но что ж поделать.

Я помогла ему найти новую квартиру, когда у него закончился договор аренды на его предыдущую кошмарную халупу, которую они снимали с другом. Неделю помогала переезжать, покрасила стены, помогла оформить налог. Мы много шатались по «Икее» и после собирали мебель. А потом он сказал, что как-то слишком быстро все завертелось и вообще я «веду себя как его девушка». Но поблагодарил за скидку, которую я выбила для него у компании грузоперевозок.

Так я снова вернулась к свиданиям с собой. Ради себя я старалась. Иногда одиночные свидания вызывали неловкость, но я продолжала и надеялась, что однажды станет легче. Я надеялась когда-нибудь стать похожей на женщину, которую видела в баре в Нью-Йорке. Она казалась такой расслабленной, такой уверенной: сидела и попивала вино, читала книгу и иногда поклевывала лежавшую на тарелке спаржу. Я решила, что тоже так хочу. И плевать на сочувственные взгляды официантов.

Обычно первые пять минут мне казалось, что все на меня смотрят, но потом это чувство проходило. Однако сегодня я то и дело поглядывала на Джейсона, сидевшего в противоположном углу. Такой ухоженный и успешный! Пять лет прошло, и он стал совсем другим человеком. А я, Алисса Арести, знаменитый вдохновитель, толкавший других к успеху, по-прежнему работаю на той же должности и живу в той же сырой лондонской квартире-студии. Мне тридцать три, и я не замужем. Ни одного маркера успеха, какими могут похвастаться другие тридцатилетние.

Даже не знаю, почему успех Джейсона так выбил меня из колеи. Может, потому что я так долго его пинала, так долго добивалась, чтобы он понял наконец, чего хочет от жизни? Я столько часов потратила, шарясь в интернете и проходя вместе с ним тесты по профориентации! А сколько раз я читала ему лекции про личную гигиену и просила не кричать на весь дом, что мы собираемся *побыть одни*, чтобы его родители точно знали, что сейчас мы займемся сексом?

От двадцати до тридцати мы ставим себе цели и добиваемся их не для того, чтобы с кем-то соревноваться. И успех все понимают по-разному, и ищут разного. Умом я это понимала. Но глядя на Джейсона и его жену, чокающихся шампанским за покупку нового дома, я поняла, что все это время себя обманывала.

Как бы ни называлась эта игра, он выиграл. И, кажется, я ему в этом помогла.

Глава вторая

– И теперь он менеджер проектов! – На следующее утро мы с Толлой и Эриком стояли у кофемашин в офисной кухне-столовой. Я соврала, что встречалась в баре с приятелем, а когда уходила, пришел Джейсон. Не хотела, чтобы они знали о моих одиночных вылазках в рестораны в третий четверг месяца. Если бы меня спросили, кто мой настоящий друг, я бы назвала Толу и Эрика, но только потому, что больше было некого. Наша дружба ограничивалась заходом в бар после работы и изредка – кебабом после бара, но я все равно я не хотела, чтобы они знали о моем жалком ритуале заботы о себе – раз в месяц в одиночку обедаться домашней пастой и пить испанское вино с ресторанной наценкой.

– Это не тот, который фигово играл на укулеле? – спросил Эрик.

Я покачала головой.

– На гитаре. И он не фигово играл, а нормально.

– Небось очередной из твоих инфантилов, да? – Эрик показал мне язык, а я протянула ему чашку, вскинув бровь.

– Не было у меня никогда парня, который играл на укулеле. Грег выстукивал свистки, но это другое.

Тола расхохоталась.

– Не помню парня с гитарой. Хотя нет, погоди, это он все время молчал?

Я покачала головой.

– Это было еще до тебя. Пять лет назад.

– И он реально поблагодарил тебя, что ты помогла ему превратиться в волка с Уолл-стрит?

Вмешался Эрик, указав на меня пальцем.

– С этим Джейсоном ей пришлось потрудиться. Однажды он пятнадцать минут пересказывал мне сюжет фильма, который я сам ему посоветовал. И еще он думал, что серфинг – качество характера, а не хобби. – Стоило Эрику завестись, и его было не остановить. А мой плохой вкус в выборе бойфрендов был его любимой темой. – О, и еще он называл море «она». *Я люблю ее изобильными волнами, ласкающими берег...* фрик. По-моему, никого хуже у тебя не было, Али, что скажешь?

Я закатила глаза и притворилась, что мне все равно. И что вернувшись вчера домой, я не стала сразу его гуглить.

– Но у тебя все равно никто дольше пары месяцев не задерживался: выходит, даже если парень в итоге не нравится, не так уж много времени ты на него потратила! – Тола вернула меня к текущей теме разговора; я не могла оторвать взгляд от ее губ, накрашенных помадой цвета фуксии. – За это тебя уважаю.

– Серьезно? Ты *уважашь* Али за ее неспособность на длительные отношения? – Эрик закатил глаза, а я надулась.

– Да я же не специально! – взвизгнула я. – Я стараюсь, знаете ли, пытаюсь быть доброй и любящей, а оно... само разваливается! И не всегда я первая их бросаю, между прочим.

Эрик поднял бровь.

– Конечно, никто не выбирает *специально* именно такой тип парней. Ты делаешь это подсознательно, детка. Встречаешься с теми, кто тебе не подходит. И просто зря тратишь время.

– Ты чего такой злой сегодня? Опять ходил на свидание искать любовь, а нашел бессмысленный секс? – съязвила я, надеясь, что получится сменить тему.

Эрик по привычке огляделся, проверяя, не подслушивает ли кто, и бросил на меня гневный взгляд.

– Можно подумать, искать любовь плохо!

– Нет, но искать ее в дейтинговом приложении – все равно что пойти за зимней шапкой в магазин панамок и потом жаловаться, что уши отморозил! – Тола покосилась на меня. – Я же права?

– Ты всегда права, – усмехнулась я.

Мы с Эриком знакомы много лет. Он пришел в компанию почти сразу после меня, и сначала внушал мне страшные комплексы. Парень моего возраста в отлично скроенном костюме, своя квартира, красивая невеста... У него были шелковистые волосы, он пользовался одеколоном с пряными нотками и мог уболтать любого на что угодно. Все время смеялся. В рекламном отделе все любили Эрика, ошивались около его стола в надежде поговорить и услышать очередную байку.

А через полгода после того, как он начал у нас работать, я однажды поздно ушла из офиса и обнаружила, что мой автобус отменили. Заглянув в паб, я наткнулась на Эрика. Он уже прилично выпил и едва держался на ногах. Ему явно нужно было с кем-то поговорить. Тогда-то я и узнала, что его прекрасная идеальная жизнь – сплошное вранье. Эрик понимал, что его отношения обречены и он должен съехать с общей квартиры, чтобы начать все с нуля. Я была первым человеком, кому он в этом признался, а после такого хочешь не хочешь подружишься.

Тола пришла в компанию всего год назад, и мы так и не поняли, почему эта крутая девчонка, которой не исполнилось еще и двадцати пяти, захотела присоединиться к нашей шайке. Она была просто неугомонная: бросила школу и устроилась дизайнером театральных костюмов в мюзикл «Кошки» на Вест-Энде. Когда ей надоело с утра до вечера шить меховые комбинезоны, она переквалифицировалась в эксперта по соцсетям. Я подозревала, что Тола считала нас с Эриком кем-то вроде своих подопечных и считала, будто ее зумерская энергия вытащит нас, двух миллениалов, из болота сарказма, и мы перестанем поливать всех грязью. Она оказалась права. А еще Тола умела вовремя похвалить и вовремя поругать, а такое сочетание на вес золота.

– А скажи, почему это тебя так злит? – спросила она, когда мы вышли из кухни и направились к моему столу.

– Не злит, я желаю Джейсону всего хорошего.

– Али, ты отлично умеешь себя обманывать, но меня не проведешь. Объясни. – Она оперлась на стол и поманила меня пальцем с ярко-голубым ноготком.

– Потому что у него дела лучше, чем у меня! – проскулила я и в отчаянии уронила голову на стол. – Всего каких-то пять вшивых лет прошло, а его как подменили! Карьеру сделал, любовь всей жизни встретил, женился, на первый взнос по ипотеке накопил, дом купил! А я что сделала за это время?

– Заслужила уважение своих коллег и клиентов? Заставила весь офис содрогнуться от своей эффективности? – предположила Тола.

– Выпила восемь бочек вина? – добавил Эрик.

– Ты не помогаешь! – Я швырнула в него карандашом. Потом выпрямилась в кресле и посмотрела на них. – Может, мне надо было остаться с Джейсоном? Не поспешила ли я его бросить? Я думала, у него нет амбиций, а оказалось, есть! Может, я отказываюсь от прекрасных отношений, потому что у всех кандидатов замечаю недостатки? Может, я слишком придирчивая?

Эрик скривился.

– Есть люди с недостатками, а есть... вот эти парни, которых ты выбираешь. Ты не слишком придирчивая, нет – я бы сказал, ты недостаточно придирчивая! Вспомни хотя бы своего Нейтана!

– Нейтан вообще был милашка! – возразила я. – Мечтал по-крупному, хотел стать актером!

– Ага, и ты оплатила ему актерские курсы, а потом пять месяцев была его агентом! Бесплатно! И комиссионных не брала! – Эрик закатил глаза так, что у него голова запрокинулась.

Тола кивнула.

– Детка, Эрик прав. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты каждого парня считаешь своим проектом.

Эрик, кажется, пересчитывал в уме всех, с кем я встречалась. Я поняла это по его хитрой ухмылке.

– А ну хватит! Ты чего такой довольный?

– Али, а ведь она права! Ты приносишь домой этих раненых птичек, кладешь все свои яйца в их гнездышки и получается не оmlет, а черт-те что!

– Хватит смешивать поговорки! – Я закатила глаза. – Что это вообще значит?

– Ты встречаешься с парнями, которые еще не стали полноценными взрослыми, всю себя вкладываешь, пытаешься улучшить их жизнь, а потом выгораешь и сливаешься, не успев пожать плоды своего труда.

– Плоды труда, – Тола поводила бровями, – как пафосно. Но он прав, детка, да и Джейсон сам сказал: после тебя у него жизнь пошла в гору. Ты его будто отремонтировала.

– Ничего я не ремонтировала... он просто изменился, – возразила я.

– Ну, когда ты с ним встречалась, он не был успешным. Правда, не был и претенциозным бакланом, но ты же не волшебница, – фыркнул Эрик. – Смирись, Али, это твоя фишка. Ты берешь парня, который тебя не достоин, и всеми силами пытаешься его улучшить. Это твой принцип.

Я всплеснула руками.

– А как я улучшила Джереми?

Тола рассмеялась и подняла руку.

– Его никак, но ты неделю сидела с его злобным пуделем и приучила этого пса к туалету! А Джереми тебе даже спасибо не сказал.

– И записала его на прослушивание, чтобы подстегнуть его музыкальную карьеру, но он не пришел, потому что напился с ребятами.

Я поморщилась.

– Ладно, хватит.

Глаза Эрика округлились.

– Да нет же, это идеальный пример! Я же слышал его на той неделе по радио! Этот бездарь раньше даже задницу свою от кресла не мог оторвать, а теперь у него альбом выходит!

Эрик улыбнулся, а я покачала головой; я не знала, что у него на уме, но не сомневалась – ничего хорошего.

– Как человек статистики, я улавливаю тут закономерность и хотел бы провести исследование. Спорю на полтинник: если ты составишь список своих бывших, окажется, что все они добились успеха.

Тола нахмурилась; я надеялась, она встанет на мою сторону. Но на ее лице вспыхнула улыбка в тысячу мегаватт, и я поняла: станет только хуже.

– Нам понадобятся правильные критерии оценки. Ведь успех – понятие относительное. Надо, чтобы каждый критерий имел численное выражение. И не все парни считаются. А только те, с кем она была недолго и кого сочла безнадежными. – Тола повернулась ко мне, будто хотела спросить моего разрешения.

– Спасибо, – фыркнула я, – и в чем смысл всего этого?

– Подтвердить мою теорию, – Эрик постучал по переносице и направился к своему столу.

Я взглянула на Тола.

– А мне-то какая с этого польза?

Она пожала плечами.

– Лучше узнаешь себя. А мы посмеемся. Пришли мне список, ладно?

У меня зазвонил мобильник, и я замахала руками, прогоняя ребят.

– Ладно, ладно, как скажете. Хотите смеяться над бедной Али – смейтесь. Мне надо ответить.

Я глубоко вздохнула и ответила на звонок:

– Привет, мам. У меня сейчас встреча, все нормально?

– Ой, конечно, ты занята, тебе не до меня, – тихо и самоуничижительно проговорила мама, будто приглашая меня с ней согласиться. Но я знала эту игру. *Для матери всегда найдется время, Алисса, не забывай.*

– Мама, – пропыхтела я и потянулась за ручкой, – я слушаю, в чем дело?

– Да твой отец опять.

Повисла тишина. Я не пыталась нарушить молчание.

– И что он натворил? – наконец спросила я. То есть *опять* натворил.

Она задумалась.

– Может, я просто слишком ранимая...

– Мама...

– Нет-нет, иди на свою встречу, моя умница. Столько людей на тебя рассчитывают. Ты же придешь на ужин на этой неделе?

– Конечно. Но пойдем лучше в воскресенье пообедаем в ресторане, я угощаю, – предложила я и услышала, как она от радости аж запищала. Представила, как мама хлопает в ладоши, радуясь такой идее. Конечно, она опять больше половины обеда будет говорить об отце и жаловаться на его очередную выходку, зато в оставшиеся двадцать процентов времени мы повеселимся.

– Здорово. Люблю тебя, дочка, – сказала мама, чмокнула трубку и отключилась.

Одно время я думала, что после папиного ухода моей любви и поддержки маме будет достаточно, но я ошиблась. Как сказала бабушка, некоторым людям надо несколько раз наступить на грабли, и только потом до них доходит.

Мой отец всегда был никудышным мужем, и все свое детство я его покрывала. Помню, как в двенадцать лет он вручил мне кредитку и отправил в торговый центр с указанием купить что-нибудь хорошее маме на день рождения и подписать от него открытку. До сих пор думаю, как бы все сложилось, если бы я тогда отказалась.

К счастью, сегодня мне некогда было забивать этим голову. У меня было назначено много встреч, потом еще больше встреч по мотивам предыдущих встреч, а там и день подошел к концу. В одиннадцать часов я, как обычно, обошла всех в офисе, расспросила Матильду из бухгалтерии, как та провела отпуск, сделала пиарщику Дэвиду комплимент по поводу новой стрижки (он стрижется раз в две недели, покороче сзади и на висках, и всякий раз спрашивает: *ты знала, что в этой парикмахерской стригут всего за четырнадцать фунтов?*). Заглянула с чаем в самый дальний уголок офиса, выслушала очередной рассказ о насыщенной любовной жизни Джастины и сказала, что та заслуживает лучшего. Казалось бы, эти маленькие разговоры – такая мелочь, но каждый мой коллега чувствовал себя важным и нужным благодаря моим знакам внимания. Я не успела оглянуться, как день закончился; впереди маячили выходные.

Но они еще не наступили.

Оставалось еще кое-что.

Ну естественно. Он явился, как по сигналу, как всегда в пятницу, когда я уже собиралась уходить. Я притворилась, что не вижу, как он идет прямо к моему столу.

– Наша Али летит на Бали! – прогремел Хантер прямо над моим ухом, и я была вынуждена посмотреть на него и снять наушники.

Я улыбнулась, хотя хотелось тяжело вздохнуть.

– Хантер! Ну как ты сегодня? Ждешь выходных? Опять в гольф пойдешь играть небось?

В этом вся я – помню такие детали даже про людей, которых не выношу, а Хантера я не выносила. Это прямо заболевание какое-то, и сейчас я себя за это ненавидела.

Хантер бросил на меня довольный взгляд и провел рукой по карамельным волосам.

– Конечно, пойду. Ты такая внимательная, Али. Рядом с тобой любой мужчина почувствует себя особенным.

Я стиснула зубы, проглатывая что-то, грозившееся вырваться наружу – не то саркастическую ремарку, не то настоящую рвоту. Хантера я ненавидела по многим причинам. Он хватался, что играет на фондовой бирже «забавы ради», до сих пор называл своего отца «папулей» и носил шейные платки. Последнее почему-то бесило меня больше всего. Оранжевые, в крапинку, розовые в полоску... Под любой костюм отдельный платок. Учитывая, сколько у него было других ужасных недостатков, странно, что именно платки так меня доводили.

Он пришел в компанию через два года после меня, но мы с ним занимали аналогичные должности. Вот только он совсем не выполнял свои обязанности, нарушал дедлайны и не умел отказывать клиентам. Он ходил по тонкому льду и вел себя *почти* неподобающе, но, увы, ни разу не провалился под лед и не заслужил пинка под зад от эйчара. Он все время умудрялся выйти сухим из воды. К сожалению.

Хантер не был хорошим управленцем, не умел работать в команде, зато был богат, умел обаять и пустить пыль в глаза. Но в нем было столько дерьма и гонора, что мне иногда казалось, будто он лопнет и заляпает все вокруг навозными брызгами.

Он был моим заклятым врагом, правда, сам об этом не догадывался. Я предпочитала, чтобы мои заклятые враги не догадывались, что они враги.

– Хантер, чем тебе сегодня помочь? – Очевидно же было, что ему что-то от меня надо.

– Ну знаешь, Феликс сказал, что ты можешь помочь с отчетом для «Большого экрана». Никак не получается сделать все идеально. А мы же хотим, чтобы все было идеально, да? Не сомневаюсь, ты справишься лучше всех, потому что ты всегда все делаешь идеально. – *Господи. Да этому парню не помешает книжка «100 синонимов к слову идеально».*

Хантер улыбнулся мне так, будто это *он* делал *мне* одолжение, а мне стало интересно, сколько женщин раньше попадались на эту удочку. Обаятельный мужик по-свойски присаживается на твой рабочий стол, вешает лапшу на уши, какая ты особенная и умная и потому заслужила честь сделать за него его работу.

И все же я знала, что не откажу. Не потому что нуждалась в одобрении Хантера, а потому что Феликс послал его ко мне. И я не терпела кое-как выполненную работу. Хантер знал, что это моя слабость. Дело не в том, что я любила угождать всем подряд, хотя и это тоже. Просто я была жуткой перфекционисткой. Второе, если подумать, ничуть не лучше первого.

– Ясно... и сколько у тебя уже готово?

– Ну, я набросал примерный костяк, осталось все оформить, добавить кое-какие детали, расставить точки над *i*... ну ты понимаешь. Нам с Феликсом как всегда не хватает Али и ее волшебной палочки! – Он толкнул меня локтем, а я подавила ярость и заставила себя шире улыбаться.

– Всегда рада помочь, Хантер, ты же знаешь. Взгляну. Когда тебе сдавать отчет?

– Ну, у нас совещание с командой «Экрана» в понедельник утром, так что... – Он всплеснул руками, будто хотел сказать «ну что ты будешь делать!» Я взглянула на часы. Полпятого. И сегодня пятница.

– То есть... хочешь сказать... – Я вздохнула. – Уже почти рабочий день закончился, Хантер.

– Да это совсем немного времени займет, обещаю! Ты же у нас волшебница! Я верю, у тебя все получится. – Он похлопал меня по плечу. – Ну я побежал, мы с ребятами договорились сходить в бар после работы, а я сегодня угощаю... Благодарности моей нет предела! – Он почти бегом бросился к выходу, а я уронила голову на руки.

Ну зачем ты согласилась? Почему не сказала, что слишком поздно доделывать сейчас? И что в этом месяце это уже в третий раз, ты же ему не служанка! Я поворчала немного себе под нос, затянула хвостик и взялась за работу. Если повезет, быстро все сделаю и не придется сидеть до поздней ночи.

– А ты можешь нарочно плохо сделать, чтобы этот ленивый говнюк получил наконец по заслугам? – спросила Тола, возникшая у моего стола с двумя банками пива. Вечером в пятницу в офисе появлялась барная тележка: начальство таким образом показывало, какое оно продвинутое и как все у нас работают налегке. Но я столько раз задерживалась допоздна по пятницам, что меня этим пивом было не обмануть.

– Я думала об этом. Но в итоге мне же и влетит. Хантер – золотой мальчик, кто ж его накажет? Я буду виновата, что плохо ему помогала. – Я вздохнула, похрустела шейными позвонками и открыла документ. – К тому же, его отправил Феликс. Может, это такая проверка, чтобы я доказала, на что способна. Феликс всегда говорит: надо проявлять инициативу и брать на себя ответственность. В этом месяце же собираются объявить, кто станет бренд-менеджером.

Тола вскинула бровь и поставила банку пива на стол. Кажется, я ее не убедила.

– Они разве в прошлом месяце не говорили то же самое? К тому же, ты берешь на себя столько работы, что тебе не бренд-менеджером надо становиться, а директором компании. Даю тебе полчаса. Я засекала. Потом пей пиво, а я проверю, что ты написала.

– Не жди меня, ты что! Наверняка тебе тоже есть чем заняться...

Она встала.

– Я не взваливаю на себя чужие дела, так что нет. Не волнуйся. А по клубам раньше одиннадцати идти нет смысла, бабуля. – Тола подмигнула и направилась к компании, собравшейся у барной тележки. – Если ты правда хочешь меня отблагодарить, начни составлять список своих бывших, о котором я говорила. Хочу посмотреть, скольких лягушат ты превратила в принцев своей волшебной палочкой.

Хорошо, что у меня есть Тола, подумала я. И Эрик. Пусть устраивают из моей личной жизни социальное исследование и выносят на свет все мои комплексы, да ради бога. Но вдруг окажется, что *все* мои бывшие действительно живут намного лучше меня? Что если пройдет еще пять лет, а я так и буду топтаться на прежнем месте, только денег на накопительном счету чуть прибавится и бегать стану быстрее? Разве я сама не велела Джейсону мысленно нарисовать картину идеальной жизни и жить так, чтобы каждое принятое решение приближало его к цели? Так почему сама своему совету не следую?

Мне не хотелось братья за этот список, поскольку я догадывалась, что Тола с Эриком правы.

Я вырвала листок бумаги из блокнота и начала перечислять имена от самого последнего своего бойфренда к предыдущим. Майкл, Дэвид, Тимоти, Ноа, Джейсон... и так до семнадцати лет. Тут я задумалась.

Дилан. Парень с голубыми глазами и самым звонким в мире смехом. Мы вместе выросли, и я была безнадежно в него влюблена, стояла в сторонке и завидовала девушкам, которым он улыбался. Несчастливая лучшая подруга. Я начала записывать и его имя в список, но остановилась и вычеркнула. Нет, Дилан не считается. Он давно в прошлом. У нас с ним, считай, ничего и не было.

Итак, за семнадцать лет я встречалась с двенадцатью парнями. С двенадцатью полными неудачниками. Сколько времени и сил потрачено впустую! Никто ни разу не делал мне предложение руки и сердца, даже страшных предательств не было. Вспомнить-то нечего. Я как будто просто убивала время, словно все это не имело значения. И к чему это меня привело?

Я устала на экран компьютера, где меня ждала привычная картина: чужая работа, которую мне предстояло выполнить бесплатно по просьбе напыщенного дурака, потом пойти домой, пить вино одной и злиться на себя за это до утра понедельника.

А после все по новой.

Глава третья

– Итак, леди и джентльмены, пора подвести итоги, – произнес Эрик голосом ведущего телевикторины. Дело было в понедельник, мы обедали на улице, сидя на скамейке в парке позади нашего офиса. Большинство коллег тоже были здесь: кто-то устроился на траве, расстелив куртки, кто-то – за маленькими круглыми столиками уличных кафе. Вспомнилась школа: как только весной чуть выглядывало солнышко, мы бросались на улицу и подставляли ему щеки. Вот и сейчас никто не смотрел в телефоны, все загорали и попивали дорожный кофе из кафе. Полчаса чистого блаженства.

Я ковыряла поникший салат с курицей, который так старательно нарезала вчера.

– Обязательно так злорадствовать? – недовольно буркнула я.

– А тебе обязательно так ворчать? Это же никак тебя не характеризует, – ответил Эрик и сунул себе в рот целый ролл.

– Вообще-то, характеризует.

– Но не с плохой стороны, – ответил он, торопливо прожевывая, а Тола вмешалась.

– Хочешь, расскажу о нашем методе? Мы применили методику из аналитики данных, все сделано по науке. Сначала составили целую систему измерения успеха. Но эти критерии пришлось сопоставить с твоим понятием успеха. Поэтому мы взяли все традиционные показатели – брак, дети, крутая работа, своя недвижимость, деньги и прочее.

Я даже не знала, как реагировать на это заявление.

– Итак, потом я использовала свои крутые навыки поиска в соцсетях... – продолжила Тола.

– К тому же, все твои бывшие оказались любителями похвастаться в соцсетях, – добавил Эрик.

– ...и мы оценили их жизнь по этим критериям. Учли, что они собой представляли, когда вы познакомились, и вывели процент улучшения. И вот что мы выяснили... Барабанная дробь, пожалуйста...

Я закатила глаза, а Эрик забарабанил по столику.

– Средний процент улучшения составил *восемьдесят семь процентов!* – просияв, объявила Тола. – Мы назвали это «фактор Али».

Я заморгала.

– То есть восемьдесят семь процентов парней из списка стали более успешными по сравнению с периодом, когда мы встречались?

Эрик покачал головой.

– Нет, детка, ты не так поняла.

Я вздохнула с облегчением.

– Ну естественно. Это было бы слишком.

– *Все* стали более успешными, – пояснил он. – У всех до единого в этом списке жизнь улучшилась в среднем на восемьдесят семь процентов.

Они выжидающе смотрели на меня, а я переваривала эту информацию.

– Хотите сказать, что *все до единого* мои бывшие в данный момент состоят в серьезных отношениях, владеют недвижимостью и стали успешными бизнесменами? Серьезно что ли?

Тола и Эрик кивнули.

– Только не говорите, что книгу Эдриена наконец издали. Помните, он мне все присылал недописанные главы на проверку? – Не может быть. Кому нужен роман про оборотней, действие которого происходит в альтернативной стимпанковой викторианской Англии?

– Нет, – Тола подняла ладони, – но он победил в том литературном конкурсе, куда ты его записала – было же такое? – и получил стипендию на обучение и контракт с литературным

агентством, а теперь проводит онлайн-курсы по писательскому мастерству и по совместительству работает айтишником.

Я так долго таращила на нее глаза, что у меня чуть не началась мигрень.

– Али, все следы ведут к себе. Твоя энергия, поддержка, твое... особенное отношение, – деликатно пояснил Эрик, будто я сама не понимала. Хотя, наверное, и правда не понимала.

– Эрик, люди сами отвечают за свое развитие и самостоятельно принимают решения. Может, я чуть-чуть помогла, но эти ребята явно... в какой-то момент изменились. Встретились с нужными людьми, пережили события, которые перевернули их жизнь...

– А что если любой, кто с тобой перепихнется, волшебным образом превращается в улучшенную версию себя? – зловещим голосом выговорила Тола и прыснула. – Может, это сила твоей магической киски! Серьезно, ты же не думаешь, что это совпадение?

Я вытаращилась на нее.

– Версия с совпадением нравится мне больше, чем с магической киской. – Я снова закатила глаза. – И парней было всего двенадцать. Не слишком большая выборка.

– Дэвид три месяца назад выступал с лекцией на TED¹, – выпалил Эрик и хлопнул ладонями по столу. – Дэвид. Тот, что все время молчал. Сказал, своей уверенностью в себе обязан бывшей девушке, которая заставила его пойти на семинар по ораторскому искусству.

– Да он не пошел на этот семинар, – фыркнула я. – Отказался, сказал, что стесняется. Я туда пошла, законспектировала все и принесла ему, а он прочитал мои заметки и посмотрел семинар в записи.

– Видишь? Это все ты. – Эрик протянул мне список. – Ты только посмотри.

Я пробежала его глазами: сплошные награды и почести. Список зрелых людей, и все достигли впечатляющих успехов и занимали важное положение. Я помнила их совсем другими.

– Но так всегда бывает в двадцать лет, ребята. Сначала парень говорит, что ни за что не женится и терпеть не может холод, а через восемь лет открываешь соцсети и видишь его свадебные фотки на фоне северного сияния.

Я снова просмотрела список и вскинула бровь.

– А что тут делает Мэтью? Мы с ним не встречались.

Тола и Эрик переглянулись и посмотрели на меня.

– Что? Не встречались же!

– Когда он пришел в компанию, ты несколько месяцев помогала ему освоиться, и вы один раз поцеловались на рождественском корпоративе. А теперь у вас с ним одинаковые должности, хотя он всего два года работает.

– Но он был новенький, совсем ничего не знал! Я выручить его хотела!

– Он же пресный, как макароны без соуса. И все равно умудрился подняться по карьерной лестнице. А все потому, что ты его «выручила», – заметила Тола.

– Ну, если считать всех, кому я пыталась помочь с карьерой, список будет намного длиннее! – заметила я. – Мэтью не считается.

– Ладно, – Тола закатила глаза, – пересчитаем статистику без него.

Эрик заворчал, но достал ручку и начал пересчитывать.

– Ладно, но умоляю, сходи к психотерапевту. И прекрати помогать Мэтью, он пронырливый хорек и только притворяется душкой.

– Вы же говорите, он пресный, как макароны.

– Ты просто не слышала, что он при ребятах несет. Прикрывается своим макаронным фасадом. Так всегда, – Эрик постучал ручкой по листку. – Итак, фактор Али изменился и теперь составляет семьдесят пять процентов. Но наша теория все еще верна.

¹ TED (аббревиатура от англ. technology, entertainment, design – технологии, развлечения, дизайн) американский некоммерческий фонд. Здесь и далее прим. ред.

Я закатила глаза, а Тола с Эриком снова переглянулись.

– Что? Почему вам не нравится моя реакция?

– Мы хотели, чтобы ты призналась, что может быть немного повлияла на них, вот и все, – тихо проговорила Тола. – Разве не приятно осознавать, что благодаря тебе жизнь человека настолько улучшилась?

Да ничего приятного, они же теперь все лучше меня, а я где была, там и осталась.

– Мне просто... досадно почему-то, не знаю, почему. Я им совсем не завидую. Меня тошнит от лекций TED. Я не хочу становиться инвестиционным банкиром, не хочу, чтобы о моей свадьбе писали в светской хронике. Я просто... не знаю даже... – я вздохнула.

Тола склонила набок голову.

– Может, тебе интересно, чего бы ты *сама* могла добиться, если бы потратила все это время и силы *на себя*?

Мне скорее интересно, почему я встречалась с неудачниками, пытаюсь из них что-то вылепить, и что это обо мне говорит, подумала я.

Я всегда мечтала о такой любви, как у моих бабушки с дедушкой. У них была любовь на века, они смотрели друг на друга с тайной улыбкой, будто у них был свой язык. Я не стремилась стать для кого-то всем на свете, я просто... что бы я ни делала, сколько бы ни вкладывала, этого всегда казалось мало.

Я вздохнула и убрала свой ланчбокс.

– Что ж, ребята, было интересно, и я рада вашему исследовательскому рвению, но мне пора разгребать почтовые завалы и любоваться самодовольной физиономией Хантера.

Они с беспокойством посмотрели на меня, а я не понимала, что чувствовать. Ладно, допустим, все мужчины, с которыми я встречалась, из безнадежных и ленивых инфантилов превратились в сознательных взрослых. И что? Да, я часами выслушивала рассказы об их детских травмах, успокаивала и мирилась с их дерьмом, хотя они могли бы просто пройти к психотерапевту. Да, нынешние девушки и жены этих мужчин пожинаяют плоды моего тяжелого труда. И что такого? Я же сама сделала этот выбор, сама решила изображать идеальную подружку в тот короткий срок, что мы были вместе. Если это помогло, мне надо собой гордиться! Разве плохо, что Джейсон поблагодарил меня за веру в него, что Дэвид вспомнил про тот семинар? Может, я сыграла в их жизни роль феи-крестной, и именно это было нужно в тот период!

Но что было нужно мне?

Тола и Эрик всегда смеялись, когда я говорила, что отношения – это утомительно. Что я слишком устала и не хочу ни с кем встречаться. Но теперь я поняла, почему мне так казалось. Гораздо лучше завести щенка: за ним тоже придется убирать дерьмо, но он хотя бы любить меня будет! А ведь как было бы здорово хотя бы раз услышать: «Не переживай. У меня все под контролем».

Возвращаясь на рабочее место, я увидела Бекки из бухгалтерии; та разговаривала с другими девушками. Она сидела за пару столов от меня, и мы постоянно корчили друг другу рожи, когда что-то не получалось или голова взрывалась от работы. Бекки ловила мой взгляд, закатывала глаза, смущенно улыбалась, и мне всегда становилось лучше.

А еще к ней приходили все девчонки с любовными проблемами; она была для них кем-то вроде мудрой наставницы. Поэтому вокруг ее стола вечно кружила стайка девчонок. Но сегодня, кажется, проблемы возникли у нее самой.

– Он сказал, что не верит в брак и не понимает, почему я так на этом помешалась! – вздохнула она, а другие женщины сочувственно хмыкнули. Я вспомнила Джейсона: он тоже не верил в брак, а потом поверил: оказалось, надо было просто встретить другую! Впрочем, Бекки было необязательно знать такие подробности.

– Может, он хочет сбить тебя с толку – предположила Кэтрин, которая явно пересмотрела слишком много мелодрам. – Потом попросит твоей руки, и ты удивишься!

Бекки покачала головой.

– Нет, он говорит, что у нас и так хорошая семья, какая разница? А я не знаю, как объяснить, глупо же признаваться, что я хочу большой праздник и белое платье! Да, у нас дети, общий дом... он прав, чего я вообще недовольна?

Я тоже себя так сто раз убеждала. Мне было хорошо знакомо это чувство: нельзя хотеть больше, чем имеешь, и нельзя хотеть того, что другие люди считают неважным. Я стиснула зубы, села на свое место и потянулась за наушниками, но вздрогнула, заметив Толу и Эрика, которые стояли у меня за спиной и, как и я, подслушивали.

– Привет, Али! – улыбнулся Эрик. – Знаешь, что бывает после того, как выдвигают новую теорию?

Тола тоже улыбнулась, скрестила руки на груди и склонила набок голову.

– Ее испытывают.

Мы пошли в «Принца-регента», ближайший к нашему офису паб. Миленькое заведение с портретами членов королевской семьи на стенах и чудесным запахом пролитого пива. Я питала странную привязанность к этому месту: мы с Толлой постепенно перепробовали тут все коктейли (не то чтобы их было много и не то чтобы они были вкусные), именно в «Принце» с двух бутылок белого вина и моря пролитых слез началась наша с Эриком дружба. Несмотря на липкие полы и отсутствие всякой еды, кроме чипсов с солью и уксусом, для нас это было историческое место.

Мы с Эриком сели на табуреты за высокий стол и стали ждать Толу, которая болтала за барной стойкой с Бекки. Мы не слышали, о чем они говорили, но что-то мне подсказывало: Тола рассказывала Бекки невероятную историю, как мне удалось изменить взгляд моих бывших на брак и как я могу сделать то же самое для ее парня, который не хотел жениться.

– Но я не хочу этим заниматься. Я даже его не знаю, – пробормотала я.

– Узнаешь. Ты же училась на психолога? – Эрик пихнул меня локтем и усмехнулся в пиво. Я фыркнула.

– Ну не совсем, это был трехмесячный курс по коучингу и продвинутый курс по маркетинговым технологиям. Это НЛП и манипуляции, а не психология.

– Так вот как ты их всех запрограммировала?

– Да нет же, я просто встречалась с ними и помогала, потому что я хороший человек! А тут речь о ком-то совсем незнакомом. Нам придется придумать какой-то сценарий, иначе он решит, что я к нему подкатываю.

Я заскрежетала зубами, увидев, как Бекки закружилась на табурете и показала мне два поднятых вверх больших пальца. Ее лицо выражало надежду и благодарность. *Господи, во что я ввязалась.*

Тола спрыгнула со своего табурета и подошла к нашему столику, по пути заглянув в зеркало и проверив прическу. Она торжественно поставила на столик два стакана колы.

– Режим полной готовности, леди и джентльмены.

Я кивнула на стаканы.

– Ты, кажется, кого-то из нас забыла.

Тола зашевелила бровями.

– Это подарок от поклонника.

Эрик растерянно моргнул.

– Мы не видели никакого поклонника!

Тола прищурилась и улыбнулась.

– На меня все бармены клюют. Ром с колой, пейте. – Она подтолкнула ко мне стакан.

– И каково это – очаровывать всех, куда бы ни пришла? – спросил Эрик, поднося Толе телефон и делая вид, что это микрофон.

– Не хочу задаваться и говорить, что это утомляет, но да. Это очень утомительно. – Она повернулась ко мне. – Да на тебе лица нет. Нервничаешь? Пей свой ром.

Я осторожно глотнула и бросила на нее умоляющий взгляд.

– Я разве на это соглашалась?

– Да, и мы ответили, что профессиональному мотиватору вроде тебя не пристало трусить! Детка, ты еще нам спасибо скажешь. Мы даем тебе возможность развернуться, – подразнила Тола. – Так какой у нас сценарий?

Я пожевала соломинку, смирившись со своей судьбой.

– Знаете первое правило маркетинга?

– Зарабатывать больше, чем тратить? – предположил Эрик.

Я закатила глаза.

– Давать людям то, что им нужно! И говорить то, что они хотят услышать.

– Но мы же не знаем, что парень Бекки хочет услышать.

Я наклонилась ближе, так как в пабе стало многолюдно: шумели завсегдатаи, только что вошедшие ослабляли галстуки. Тола с Эриком тоже наклонились ко мне с заинтригованным видом.

– Вот именно. – Я выжидающе улыбнулась и посмотрела на Эрика. – Поэтому надо послать кого-то на разведку.

– Почему у меня такое чувство, что к концу вечера ты превратишься в Тони Сопрано²? – спросила Тола и уперлась рукой в бок. Эрик фыркнул.

– Хорошее сравнение, но откуда ты знаешь про Тони? Тебя же еще на свете не было.

– В общем, Эрик пойдет на разведку и получит ответы на важные вопросы. Дальше станет ясно, за какие ниточки дергать.

– Ты правда считаешь, что случайная встреча со случайным человеком в пабе целиком изменит мировосприятие этого парня?

Я покачала головой.

– Конечно, нет. Сначала ничего не изменится. Но я зароню семена, понимаете? Впущу немного света. Взрыхлю почву. И что-то может вырасти.

Я посмотрела на Бекки. Та сидела за стойкой и крутила вино в стакане, подперев рукой подбородок и склонив голову, будто ждала чего-то. Она казалась грустной. А вдруг мы сможем ей помочь? У меня ушли последние сомнения.

– И это должен быть я? – нахмурившись, спросил Эрик. – Уверена?

– А кто нам все уши прожужжал рассказами о студенческом театре? – ответила я, и Тола с улыбкой закивала.

– Да, разве не тебе аплодировали стоя в студенческой постановке «Бриолина»? И ты даже вроде получил какую-то премию за «Вестсайдскую историю».

Эрик вздернул подбородок и выпятил губы, будто увидел перед собой противника.

– Что это ты вдруг заинтересовалась этим делом?

Я пожалала плечами.

– А у меня есть выбор? Если уж придется, надо, чтобы все было в лучшем виде. К тому же, ты умеешь говорить на всякие мужские темы. Это твой конек.

Эрик удивленно взглянул на меня и, видимо, ждал, что я скажу, что пошутила, но я рассмеялась.

– Брось, правда же хорошо получается.

Он притворился обиженным.

– Ладно, только ради вас, мои птички, прикинусь типичным мужиком, который любит футбол.

² Персонаж американского телесериала в жанре трагикомедии «Клан Сопрано».

Тут вошел парень Бекки. Я затаила дыхание и начала пихать друзей, чтобы они замолчали, но молчание получилось слишком драматичным, и мы с Толлой захихикали.

Конечно, мы занимались полной ерундой, но это было весело. И у меня появился повод потусить с друзьями с работы в понедельник вечером, а не возвращаться домой в пустую квартиру, звонить маме и выслушивать ее жалобы на очередную папину выходку. Или придумать, как доказать Феликсу, что я заслуживаю повышения до бренд-менеджера. Или лежать в кровати и недоумевать, почему время так быстро летит и ничего не меняется.

Парень Бекки был здоровый и мускулистый, как рабочий, но он так ласково на нее смотрел и так нежно гладил ее по плечу, что я решила: он добряк. Значит, мы имели дело с человеком, который, скорее всего, просто дразнил свою девушку, зная, как сильно та хочет замуж, или – второй вариант – действительно не верил в концепцию брака. В любом случае, со стороны казалось, будто ради нее он готов на все, и я решила, что подтолкнуть его в нужном направлении не составит труда.

– Запомнил, что надо спрашивать? – еще раз спросила я Эрика, и он кивнул. – Тогда иди. Используй силу во благо, юный ученик.

Эрик пригладил светлые волосы, подошел и одарил Бекки фирменной улыбкой в миллион ватт, к которой прибегал в особых случаях. Поправил голубой галстук на шее, прежде чем представиться ее парню. Он перешел в «режим продаж»: расправил плечи и выпятил свою широкую грудь, пожав руку бойфренду Бекки и хлопав его по спине, а потом указал на бар. «Я угощаю!» – услышали мы, а Эрик поднял ладони, точно не принимая отказ, и подозвал бармена.

– Хорош, – пробормотала Тола, которая наблюдала за происходящим, как за реалити-шоу. – Надо найти ему кого-нибудь, а то еще перестанет ходить на свидания и совсем разочаруется в любви.

– Ты права. Одним сексом сыт не будешь, что бы кто ни говорил. Есть кто-то на примете? Тола покачала головой.

– Мои друзья слишком молоды и немного... из другой вселенной, – ответила она. – Эрику нужен кто-то простой и спокойный, кто-то, кто носит вязаные кофты, но выглядит в них круто, понимаешь? И готовит, потому что Эрик даже яйцо сварить не может, а я хочу ходить в гости туда, где кормят.

Я рассмеялась.

– Великолепная аргументация. Совсем не эгоистичная.

Эрик вернулся примерно через двадцать минут. Он перестал изображать мачо и рассказал, что ему удалось выяснить. Я одним глазом посматривала на Бекки и ее парня за баром. Они выглядели счастливыми.

– Думаю, дело в деньгах, – сказал Эрик и отпил из моего стакана. – А еще он немного стеснительный. Говорит, что просто не видит смысла расходовать кучу денег на какой-то праздник, когда надо платить за кружки детей.

Я хлопнула в ладоши и кивнула, продолжая наблюдать за Бекки и ее парнем. Кажется, я догадалась, что делать!

– Не переживайте, ребята, у меня все под контролем. На все сто процентов.

Снова вернувшись за наш столик, я чувствовала себя богиней. Знаменитой актрисой, которая вертела людьми, как хотела, а не просто человеком, который умеет слушать и находить решения. Или манипулировать. Конечно, можно и так это назвать.

– Что ты сделала? Он весь побелел! Ты что, ему угрожала? – Эрик еле сдерживал смех, а Бекки с парнем ушли, помахав нам на прощание. На лице у Бекки было написано: «Что ж, спасибо, что попытались»; она хмурилась и пожимала плечами. А вот ее парень уже не выглядел счастливым, и я пыталась не хихикать, глядя на его потрясенное лицо. Он вцепился в пивную кружку, как в спасательный круг.

– Я рассказала, как ушла от своего парня после пятнадцати лет отношений, потому что он не хотел жениться. Он все твердил, что это не имеет значения, но я отчаялась, потому что хотела лишь одного – чтобы он доказал, что любит меня, что выбрал именно меня. Конечно, удобно, когда кто-то готовит и стирает, а тебе вообще не надо ничего делать! Я даже не хотела большой праздник, просто маленькую свадьбу, чтобы весь мир узнал, что мы вместе, чтобы я могла всем сказать – вот мой мужчина и я так им горжусь! – Я мечтательно уставилась вдаль, прижав ладони к сердцу. – И вот я ушла, и он теперь сам себе готовит, потому что я встретила парня в фитнесе – вылитого Джейсона Момоа, кстати – и он *сразу* сделал мне предложение.

У Эрика с Толлой отвисла челюсть.

– Ты правда так сказала? – спросила Тола.

– Тебе нравится Джейсон Момоа? – Эрик с интересом уставился на меня. – Интересные дела.

– Он нравится Бекки. Но суть в том, что в этой истории есть все, что нужно. – Я пожалала плечами. – Я объяснила ее чувства и посеяла семена страха. На пути домой у них может завязаться разговор... и возможно, он наконец уступит.

Тола смотрела на меня почти в восхищении. Мне это понравилось.

– Дорогая, а ведь в этом что-то есть. Ты же сама понимаешь, да? Представь, сколько женщин в таком же положении, что и Бекки? Скольким приходится тратить нервы, деньги и время, подстраиваясь под своих парней и их желания? Мы можем им помочь.

– Вынудив парней сделать предложение? – Я сморщила нос. – Так себе помощь.

Тола закатила глаза и сжала кулаки.

– Да не о женитьбе речь. Я об эмоциональном труде! Все эти часы работы по хозяйству, организации, заботы о детях. От женщин все зависит! И они ничего не получают взамен! Целое поколение женщин страдает от выгорания!

– Хочешь, чтобы мы открыли бизнес и помогли людям организовать жизнь? – Я пожалала плечами. – У богачей и так есть личные ассистенты. Может, разработать свое приложение?

– Ты меня не слушаешь. Представь, сколько времени и сил Бекки вкладывает в их семейную жизнь. И сколько лет она капала своему на мозги, чтобы он на ней женился. А потом приходишь ты и сразу находишь нужные слова! И щелк! – у него в голове все переворачивается. Сколько ты сэкономила ей нервов? Мы можем подарить женщинам драгоценное *время*. В буквальном смысле.

– Щелкнув в голове у их парней? – Я нахмурилась.

– Эмоциональный аутсорсинг! – воскликнул Эрик. Кажется, он уже разрабатывал стратегию нашего нового бизнеса.

– Мы могли бы помочь женщинам! – повторила Тола. Она будто ждала, когда к нам придет это революционное осознание, а оно все никак не приходило.

– Слушайте, все это очень весело, и мне понравилось играть с вами в разведку, – проговорила я, – но ребят. Seriously. Я хочу быть бренд-менеджером. Всегда хотела. Зачем я тогда училась в университете? Зачем заканчивала магистратуру? Зачем работаю здесь столько лет и мирюсь с Хантером и ему подобными? Я уже совсем близко, осталось чуть-чуть! Хватит с меня решения чужих проблем, я не хочу делать из этого бизнес.

– Но... – Тола разочарованно взглянула на меня. – Ты только представь всех этих жен и подружек своих бывших; представь, как они счастливы, что ты вылепила из этих инфантилов настоящих романтических героев! Мы смотрим фильмы, где парни с накаченным прессом устраивают девушкам романтические сюрпризы, от которых голова кругом идет! А на самом деле? Женщины по всей стране каждый божий день вынуждены напоминать парням надевать чистые трусы! Они заслуживают лучшего, и мы можем им помочь. Это классная идея, Али.

– То есть ты хочешь сказать, что мы поможем женской части человечества, перепрограммировав всех инфантилов одного за другим? – Я даже не стала сдерживать сарказм. Тола улыбнулась.

– Именно это я и хочу сказать! – Она обняла нас с Эриком. – Представьте, мы втроем пускаемся в такое приключение... Становимся двигателями перемен! Что может быть лучше?

– Тебя хлебом не корми, дай замутить что-нибудь. Ладно, давайте посмотрим, чем дело кончится с Бекки и ее приятелем. А пока я вас угошу. Выпьем за Эрика и его необыкновенные актерские способности, которые он бездарно растрчивает в отделе рекламы!

Эрик поклонился, а я заказала нам кофейных мартини. Давно я так не веселилась в понедельник вечером. Конечно же, ничего путного из этого не выйдет; скоро ребята поймут, что это не рабочая схема и не бизнес-план, как бы Толе того ни хотелось. Увы, из ее затеи не получится документального сериала или подкаста; не выйдет у меня прославиться за счет своего изъяна, как удастся некоторым.

Об этом я и сказала Толе, когда наутро Бекки подошла к нам в комнате отдыха и поблагодарила меня за попытку переубедить ее парня. Мол, они поговорили, но он не передумал. Я вздохнула с облегчением, в утешение похлопала Бекки по плечу и сказала, что всегда рада с ней поболтать. Она улыбнулась.

Жизнь могла продолжаться, как обычно, без всяких безумных идей и планов. Я по-прежнему хотела стать бренд-менеджером. Тогда все начнут меня уважать. Хантер больше не будет перекладывать на меня свои обязанности, ребята из рекламного отдела начнут сдавать отчеты вовремя, и не придется бегать по пятам за каждым и просить переделать работу в нужном формате. Наконец подтвердится теория, на которой основана вся моя карьера: если много работать и проявлять упорство, получишь по заслугам.

Разумеется, все мои планы покатались к чертям, когда в пятницу Бекки явилась в офис с обручальным кольцом с сапфирами и бриллиантами, сверкавшими так, что слепило глаза.

Глава четвертая

Бекки вытащила нас троих и девочек из бухгалтерии праздновать и пить коктейли, восхваляя нашу троицу за то, что наконец переубедили ее парня. Я отмахивалась – мол, ничего особенного, – но Тола прислушивалась к комплиентам и наслаждалась всеобщим вниманием, возомнив себя феминистским экспертом по отношениям. Она раздувала угли, напоминая женщинам об усталости, накопившемся гневе и неудовлетворенности собственной жизнью, пока не разгорелся настоящий костер.

– Он не помнит дни рождения детей!

– Каждый год я покупаю подарок на Рождество его собственной матери!

– Я уехала на конференцию, и дочь пошла в школу в желтых колготках в горох и пижаме со свинкой Пеппой!

– Когда меня повысили, он, кажется, был совсем не рад. Так, просто сделал вид, что порадовался.

– Я вернулась в университет заканчивать магистратуру, и он теперь говорит, что я веду себя как «самая умная».

– Он пришел домой пьяный и написал в корзину для белья!

Это хотя бы смешно, подумала я.

Коллеги наперебой рассказывали эти истории за мохито и белым вином, а я слушала их и думала: а может, мне повезло, что я одна? Что я сама распоряжаюсь своим временем и жизнью и ни перед кем не отчитываюсь? Может, любовь не стоит выгорания? Я вспомнила свою бабушку – та каждый вечер на протяжении пятидесяти лет вставала к плите, готовила ужин и ни разу не пожаловалась. А может, пожаловалась бы, если бы я поинтересовалась ее чувствами?

– Ты его мама, что ли? – возмутилась Тола, повернувшись к одной из девушек, и сделала драматичную паузу, потягивая коктейль через соломинку. – Нет? Тогда хватит с ним цацкаться! Хватит его кормить. Прекрати обслуживать его и начни требовать, чтобы он дал тебе наконец то, что ты заслужила! Ты же такая прекрасная, такая чудесная женщина, он тебя боготворить должен! Эти мужчины должны стоять перед нами на коленях и Бога благодарить, что мы миримся с их небритостью, немытостью и неспособностью найти таблетки для посудомоечной машины!

Девчонки заулюлюкали и захлопали в ладоши.

– Как бы празднование помолвки не превратилось в линчевание, – пробормотала я Эрику. Тот прыснул и наклонился ко мне.

– Пытаюсь не делать резких движений, вдруг они вспомнят, что я тоже здесь, – прошептал он.

– Но смотри, как она зажигает толпу, – вынуждена была признаться я, глядя на Тола. – Звезда, да и только.

– Она не просто звезда. Думаю, она вбила себе в голову эту идею с бизнесом и нас за собой потащит, хотим мы этого или нет. Есть просто амбициозные люди, а есть Тола.

Наши спутницы болтали и смеялись, а я наблюдала за ними со стороны и вглядывалась в их лица. Они пытались шутить о крохотных декретных выплатах, ужасных свекровях и случайных встречах с бывшими, ревнивых бойфрендах, утренних пробежках и неудачном окрашивании волос.

Эти женщины устали. И даже этого не замечали. Ведь усталость от ожиданий и разочарований была неотъемлемой частью нашей «женской доли». Тола была права: все они когда-то надеялись встретить зрелого человека, полноценного сформировавшегося взрослого, который умел сам себе готовить ужин и знал, какие цветы любит его мать. А встретили... своих мужей.

– Извините, – одна из подруг Бекки отделилась от группы и подошла к нам с Эриком, – это же вы помогаете Толе?

Эрик усмехнулся и повернулся ко мне.

– Вообще-то, Али у нас главная. Наш эксперт по мужским косякам.

Я пихнула его и смущенно улыбнулась.

– Я помогаю Толе, это правда.

– Меня зовут Эмили. Мой муж совершенно не умеет обращаться с малышами. У нас маленькая дочка, и он предложил остаться дома и сидеть с ней, чтобы я могла выйти на работу, но не прочитал ни одной книги по уходу за младенцами и теперь звонит мне каждые пятнадцать минут или зовет мою маму, а та потом капает мне на мозг, что я бездушная карьеристка и бросила ребенка. Но я зарабатываю больше него, выйти на работу логично именно мне! Потом я прихожу домой, квартира похожа на свинарник, а он просто вручает мне ребенка и весь вечер играет в плейстейшн. Я знаю, что должна быть благодарна, но...

Я закрыла глаза и попыталась перевоплотиться в сотрудницу службы психологической помощи.

– Благодарность – прекрасная эмоция. Но плотина благодарности не сможет вечно сдерживать этот поток дерьма! – Господи, где я научилась так говорить? Это похоже на гороскоп из приложения, который читает Тола. – Тебе надо его научить.

– Научить, что дочери нужен уход и я не могу все успевать? А почему он сам-то этого не понимает? Почему я должна его учить?

Я скорчила гримасу и всплеснула руками.

– Кто же знает. Но, к сожалению, если хочешь добиться результата, придется покорпеть – надеюсь, недолго, зато результат будет долговременным.

– И ты поможешь? – спросила Эмили с осветившимся надеждой лицом.

– Ну, мы думали основать компанию по аутсорсингу женского эмоционального труда, – вмешался Эрик. – Так мы наконец сможем победить патриархат.

Эмили смотрела на меня и ждала, что я произнесу волшебное слово, которое решит все ее проблемы. И я, к своему удивлению, почувствовала, что сумею помочь. Я обожала анализировать проблемы и находить решения. А если проблема была сложная, тем лучше.

– Ладно, рассказывай, а я посмотрю, что можно сделать.

Нам пришлось найти младенца – не пугайтесь, мы не прибежали к криминалу. На помощь пришел друг Эрика Маркус.

Маркус был здоровяком и носил футболку на два размера меньше необходимого, под которой проступали рельефные мышцы. Он как будто только что вышел из качалки, где проводил уйму времени, но эффект смягчал фиолетовый слинг в горошек, в котором сидела его крошка и улыбалась папе как центру своей вселенной.

– Итак, план такой, – объявила я. Мы сидели в парке Финсбери ветреным субботним утром. Эмили сказала, что ее муж гуляет здесь с дочкой. – Маркус, ты должен сыграть роль идеального отца и показать, что твой ребенок – самый счастливый младенец на свете.

Маркус зашевелил бровями, улыбнулся и поправил слинг.

– Люблю, когда меня называют идеальным.

– Надеюсь, ты не против здоровой конкуренции, – подразнила я. – Нужно, чтобы отец, Лиам, увидел, как хорошо у тебя все получается, как легко ты справляешься. И захотел стать похожим на тебя.

Тола подозрительно взглянула на Маркуса.

– Напомни еще раз, почему ты нам помогаешь?

Он рассмеялся, и его дочка тоже восторженно захохотала.

– Эрик попросил. А еще потому, что этот Лиам позорит весь род мужской. Ведь чем больше мужчин станут активно участвовать в воспитании, тем скорее мы добьемся декретных выплат для отцов!

Тола улыбнулась и кивнула: он ее убедил.

– Сохранять брак с женщиной при этом не обязательно? – спросила она, и Маркус кивнул.

– Угадала.

– Ладно, – Тола потеряла ладони, – начнем веселье.

Маркус подошел к качелям, где стоял Лиам и вяло раскачивал свою дочку, неотрывно глядя в телефон. Маркус приблизился, и Лиам вытаращился, увидев перед собой такого здорового. Готова поспорить, в этот момент он подумал: *и этот парень гуляет с малышом? А почему он не в качалке? И не на боксерском ринге?*

– Тут свободно? – Маркус обезоруживающе улыбнулся и указал на соседние качели.

Тола прыснула и прошептала:

– Он что, к нему подкатывает?

Эрик поморщился и обиженно проговорил:

– Маркус счастлив в браке! Он просто ведет себя вежливо.

Лиам уставился на Маркуса, помолчал и пожал плечами.

– Да. Садись.

– Супер. – Маркус переключил внимание на дочь, подбросил ее в воздух и усадил на качели, стал корчить ей рожицы и нараспев объяснять, как «папа ее сейчас покачает».

Дочка Лиамы заинтересовалась происходящим, повернулась к веселому незнакомому дяде и стала внимательно за ним наблюдать, улыбаться и хлопать в ладоши. Готова поспорить, она никогда так не радовалась своему отцу, который стоял в сторонке, приклеившись к телефону, и даже не попадал в ее поле зрения. Кажется, Лиам тоже это понял и растерянно заморгал.

– Он убрал телефон! – Тола взволнованно схватила меня за руку.

– Тихо! – зашипел Эрик.

– Давайте ближе подойдем, – сказала я, – и не будем вести себя, как придурки! Мы трое бездетных взрослых и топчемся у детской площадки, это подозрительно!

Мы подошли к полянке за качелями, чтобы подслушать их разговор.

– Везет тебе! – сказал Маркус, с улыбкой повернулся к Лиаму и кивнул на свою дочку. – У меня уже, считай, капризный подросток. Вот-вот начнет краситься и ходить по клубам. Дети так быстро растут!

Лиам словно не понимал, с ним ли Маркус разговаривает. Видимо, с Лиамом так давно не заговаривал взрослый человек, что он забыл, как это бывает.

– Не знаю, мне иногда наоборот кажется, что время тянется, – вздохнул Лиам и смутился, будто спохватившись, что ляпнул что-то не то. Но Маркус улыбнулся и кивнул.

– Ну да, это же так интересно – слушать вопли, ждать, пока ребенок все вокруг обкакает, молиться, чтобы заснул, а потом паниковать, что спит слишком долго. – Маркус пожал плечами. – А может, только у меня одного ничего не получается? Я-то думал, что жизнь отца в декрете – сплошные нежности и плейстешн.

У Лиамы загорелись глаза, и Тола вскинула бровь.

– Серьезно? – прошипела она.

– Он же играет роль! – Эрик бросился защищать друга, но вдруг замолчал. – Надеюсь.

Но это сработало: Лиам проникся к Маркусу доверием! Он увидел перед собой человека, который не станет его осуждать и говорить, что отцовство – волшебный и неповторимый опыт. У этого отца были такие же жалобы, и на лице Лиамы отобразилось облегчение.

– Ты тоже сидишь с ребенком? – воскликнул Лиам. – Я почти не встречал других пап. Да уж... не думал, что это будет так скучно.

Маркус кивнул и посмотрел на дочь.

– А тебя тошнило, когда ты менял подгузники? Когда я впервые увидел подгузник, я блеванул, потом она блеванула, потом мы оба зарыдали... но потом стало лучше. – Он ласково посмотрел на дочку, и Лиам улыбнулся. – К тому же, на работе тоже бывает скучно, – рассудил Маркус. – А тут ты смотришь, как она растет. Слышишь ее первые слова, видишь, как она сделала первый шаг... Моя вторая половина мне завидует. Но что поделать, надо думать о финансах, да, приятель?

Намекнул, что в их семье он меньше зарабатывает и это чисто финансовое решение, никак не влияющее на эго. Молодчина, Маркус. Может, и не надо было делать для него эти карточки с подсказками; у него и без меня бы все получилось.

– Да, Эмили – это моя жена – думаю, ей грустно, что она столько пропускает. Поэтому когда она приходит с работы, я с порога вручаю ей Лилу, чтобы они наконец побыли наедине. Я знаю, как она скучает по дочке.

Я взглянула на Толу, округлив глаза, и беззвучно прошептала:

– Значит, он хотел как лучше!

– Да, понимаю, о чем ты, ей очень тяжело. Вечером я занимаюсь домашними делами: стиркой, уборкой и прочим, потому что можно спокойно сунуть дочку в руки второму родителю. У нас все отлажено, да, крошка? – Маркус рассмеялся, а его дочка захлопала в ладоши.

У Лиамы было такое лицо, будто это никогда не приходило ему в голову.

– Конечно, очень хочется иногда позаниматься своими делами. Но ведь у нас равноправие, так? Один сидит с ребенком, а второй готовит ужин. Один купает малышку, а второй может спокойно позаниматься в зале... Все по справедливости.

Лиам взглянул на Маркуса и закивал, будто решил поделиться чем-то важным со своим таинственным проводником, столь вовремя явившимся ему на пути отца. Он сделал глубокий вдох.

– А я все время названиваю Эмили на работу. Мне кажется, я все делаю неправильно. И все как будто ждут, когда я ошибусь. Забуду Лилу на скамейке в парке, оставлю наедине с суперклеем или зайду в комнату, а она жует кошкин хвост...

Лиам погладил дочку по головке, а мне вдруг стало его жаль. Да, этот парень не имел ни малейшего понятия о потребностях своей жены, но явно хотел быть хорошим отцом и мужем. Его надо было лишь подтолкнуть. Он нуждался в ролевой модели, а еще ему бы пообщаться с другими папами... Но поймет ли это Маркус?

– А ты не состоишь в какой-нибудь группе для родителей?

Ну и Маркус, ну и молодец! Я восторженно заулыбалась, глядя на Толу и Эрика.

– Да, но там в основном активные мамы, и они вечно твердят, что я все делаю неправильно...

– Но ведь есть группы для пап! – воскликнул Маркус и достал телефон. – Вот одна в нашем районе, она есть в соцсетях – выслать тебе приглашение?

В тот момент на лице Лиамы отразилось такое облегчение и надежда, что я чуть не прослезилась. «Я не одинок», – говорили его глаза.

– Радость-то какая, – тихо произнесла Тола, а я улыбнулась и пихнула их с Эриком, чтобы отошли подальше от площадки. Мы ретировались на довольно большое расстояние, где можно было говорить не шепотом.

– Очень неожиданно, – сказал Эрик. – Я думал, они начнут соревноваться, чей младенец круче. Надеялся увидеть гонку малышей или что-то подобное.

– Видишь, мы знали только одну версию истории, – заметила Тола. Глаза у нее горели пуще прежнего. – Думали, он плохой отец, инфантил и эгоист, а оказалось, ему просто не хватает общения и поддержки!

– И он думал, что помогает Эмили, скидывая на нее ребенка после работы, – тихо промолвила я и покачала головой. – Ну надо же.

– Какая милота. Мне нравится. Мы пришли посмотреть на неудачника, а увидели человека, который готов становиться лучше! Это же прекрасно! – Тола всплеснула руками. – Ну что? Теперь вы видите? Видите, что мы умеем помогать? В этом что-то есть!

– Да, но как ты себе это представляешь? – возразил Эрик и вскинул бровь. – Будем работать под прикрытием и спасать отношения, отнимая работу у психотерапевтов?

Я посмотрела на него.

– Странно слышать такое от человека, который после ссоры перестал общаться с половиной родственников.

Он всплеснул руками.

– Это они со мной не общаются. К психотерапевту ходят, чтобы изменить себя: других людей нельзя изменить. Особенно если они не хотят меняться.

– Так Лиам *не знал*, что хочет меняться. И что его отношения нужно спасать. – Тола указала на Лиам: тот смотрел на Маркуса, как на сказочного джинна, подарившего ему три желания и пиццу с пепперони на толстом тесте. – А теперь знает. Фокус-покус! Нет, ребята, в этом что-то есть.

Глава пятая

После этого все завертелось. Тола взяла руководство в свои руки. Она всем сердцем верила в наше дело. Считала, что мы можем творить добро, «ремонтировать» отношения, освобождать женщин от гнета самопожертвования, чтобы у них появилось больше сил и времени на себя. Кажется в глубине души она даже верила, что мы сделаем мир лучше.

Эрику было интересно применить свои актерские способности и отвлечься от любовных неудач, поэтому он тоже с энтузиазмом к нам присоединился.

Что до меня... мне нравилось быть полезной. Помогать людям. Черта, которой я так стыдилась, внезапно оказалась ключом ко всей нашей задумке. Без меня друзья бы не справились. И я получала от этого истинное удовольствие; пожалуй, даже слишком много удовольствия.

Тола разработала четкий план: мы тестируем наш метод на самых разных проблемах в личных отношениях и выясняем, есть ли что-то, с чем мы не можем справиться. В начале мы боялись, что не найдем клиентов, но похоже, зря. Бекки и Эмили рассказали о нас подругам, те – сестрам, а сестры – своим подругам. И через три месяца у нас появилась рабочая схема, анкета для клиентов и система подачи заявок.

Мужчины – естественно, обычно мы «ремонтировали» мужчин – четко делились на две категории. Первым не хватало мотивации; вторые неохотно брали на себя обязательства. Эти мужчины прозябали на нелюбимой работе, но не желали тратить время и искать дело, которое нравится. Или хотели начать бизнес, написать книгу или записать песню, могли бесконечно об этом говорить, но ничего не делали. Бывало, женщины хотели получить предложение руки и сердца, но чаще всего речь шла о парах, в которых невероятно сильные и мотивированные женщины устали тащить своего партнера вперед и ждать, пока он повзрослеет. Эти женщины ходили к психотерапевтам, работали с карьерными коучами, возглавляли крупные компании и одновременно имели несколько побочных халтурок «для души». Эти женщины вкладывались в себя. Но даже они были вынуждены заботиться о своем партнере. Они тревожились, счастлив ли он, доволен ли, поддерживает ли отношения с детьми, рад ли своему выбору. Эти женщины оставляли бесконечные записки с напоминаниями, ставили будильники и делали записи в календарях. Они управляли совместной жизнью эффективно и четко, как военачальники. И при этом волновались, не слишком ли наседают на мужей, не «пилят» ли их – ведь это худшее, в чем можно обвинить женщину, хуже только быть старой девой.

Иногда женщины подозревали, что муж им изменяет, и просили нас устроить ему ловушку, но вскоре мы решили, что такие дела не для нас. Ведь они были не связаны с личностным ростом. В делах с изменами мы просто разоблачали человека, а мне, по правде говоря, не нравилось показывать кого-то с худшей стороны и потом преподносить это бедной женщине, как подарок. К тому же, мы знали, что нам, скорее всего, не поверят.

Тола была в своей стихии: она часами придумывала дизайн визиток ярко-розового цвета и сделала сайт с агрессивной рекламой. Но мы знали, что наше предприятие надо держать в тайне, что это нечто вроде закрытого женского клуба, вступить в который можно только по результатам личного общения. «Да!» – говорили женщины, – «да, у меня точно такая же проблема, мне тоже приходится с этим сталкиваться!» Так мы поняли, что нельзя делать обычный сайт: нам понадобится определенная степень анонимности и защиты.

А потом Эрик придумал, что называется, спрятаться на самом видном месте: создать сайт для поддержки деловых женщин с заметками и ссылками на психотерапевтические ресурсы. Простой, красочный, где не содержалось бы ни намека на то, чем мы на самом деле занимаемся. А на платформу системы подачи заявок можно было попасть, нажав на ссылку с рекламой менструальных чаш и заполнив анкету. Эрик написал алгоритм, чтобы наш сайт находили по

ключевым словам «устала», «выгорание», «нет сил». На визитных карточках была написана всего одна фраза: «Вы несчастны? Доверьте счастье в надежные руки!» – и пароль для сайта.

Но визитные карточки не понадобились: хватило устной рекламы.

Каждый человек, бесспорно, уникален, но проблемы у всех одинаковые. В личных отношениях существовали определенные паттерны, и были решения, которые всегда оказывались эффективными, а если с первого раза не получалось, у нас имелся план Б. Я, новоиспеченная эмоциональная провокаторша, исписывала блокноты различными сценариями, и хотя я ни за что бы не призналась в этом окружающим, мне нравилась театральная часть нашей работы. Мы запаслись париками и костюмами и перевоплощались в разных персонажей. Эрик попытался изображать различные акценты, но у него получилось так плохо, что мы сразу отказались от этой затеи. Нашим главным методом стали «случайные» встречи, которые приводили к небольшому сдвигу в мировосприятии. И хотя все было подстроено, нам казалось, что мы всемогущи.

Мои вечера неожиданно оказались расписаны по минутам: мы то планировали очередной сценарий с Толлой, то ходили по магазинам с Эриком. А иногда устраивали засады в баре и репетировали различные варианты «случайных» знакомств.

– Вы не мыслите глобально, – критиковала нас Тола. – Мы должны помогать самим женщинам меняться, а не просто чинить и улучшать их мужей! Мы можем перевернуть мир, Али!

– А я не хочу глобально, – отвечала я. – Мне нравится работать с частными случаями. Мы сами получаем удовольствие от процесса и ничем не рискуем. Это как игра.

Когда Тола на меня злилась, на ее лице всегда появлялось серьезное выражение; она изгибала бровь, а на лбу залегала глубокая морщинка. Но она молчала.

Я знала, что она считает меня трусихой. У нее были грандиозные планы и великие идеи, она хотела запустить «Ремонт судьбы» как лайфстайл-бренд, корпорацию, двенадцатиступенчатую программу, а я разрушала ее мечты и все время придиралась. Возвращала подружку с небес на землю. Рано или поздно таких, как я – разумных и уравновешенных – начинали ненавидеть, хотя именно такие люди вовремя охлаждают пыл чрезмерных энтузиастов. Тола хотела поджечь весь мир, а я заливала искры, не давая пламени разгореться.

В итоге сошлись на том, что разрешили ей выделить нескольких постоянных клиентов – женщин, которым нужно было больше одного сеанса «ремонта». Случайная встреча, а потом такое же случайное «повторение пройденного», чтобы информация лучше усвоилась. В конце концов, один короткий разговор в пабе может и забыться. Мы же создавали иллюзию цепочки встреч, устроенных самой судьбой. Как будто вселенная посылала нашим клиентам сигналы, заставляя к ним прислушаться.

Но, по правде говоря, чем больше мы это делали (а получалось у нас очень неплохо), тем сильнее я на себя злилась. Всякий раз, когда очередная клиентка присылала нам бутылку шампанского и открытку с благодарностью, мне хотелось биться головой об стену. Выходит, я могу контролировать чью угодно жизнь, но только не свою собственную!

Но Тола смотрела на это иначе.

Через семь месяцев и двенадцать дней после нашего первого эксперимента она подошла и бросила на мой стол визитку, как будто мы с ней были в гангстерском фильме.

– У нас новый клиент.

Я растерянно заморгала.

– Чего?

– В конторке имени твоих бывших, – ответила она. Ей нравилось переименовывать наше название и смотреть, как меня передергивает. Я взяла визитку, прочла имя, перечитала и уставилась на нее.

– Это правда?

Она оперлась о мой стол и просияла улыбкой на тысячу ватт. Я правда чуть не ослепла.

– Сто процентов, детка. Я говорила с ней и ее ассистенткой. Это было нереально.
– Но как она нас нашла? – нахмурилась я. – И разве у нее нет своих людей для решения таких проблем?

Тола улыбнулась.

– Детка, *мы и есть* люди для решения таких проблем. Ее ассистентка услышала про нас от своей подруги и нажала на кнопку. Я решила, что это розыгрыш, перезвонила, и оказалось, все правда! Нет, ты представь? Даже богатым и знаменитым нужна наша разработка!

Я еще раз прочла надпись на визитке, сделанную остроконечными буквами: *Николетт Уэзерингтон-Смайт, контент-мейкер, продюсер, инноватор, предприниматель, инфлюэнсер.*

– Ничего себе у нее регалий.

– А еще «светская львица», «участница всевозможных реалити-шоу» и «наследница империи кошачьего наполнителя». На визитке просто места не хватило, – вмешался Эрик, перегнувшись через перегородку моего стола и похрустывая яблоком. – Надо братья, что скажете, девочки? Хотя бы смеха ради. Небось с красавчиком встречается! Насколько я помню, у нее был роман с капитаном английской сборной по регби.

– Нет, – ответила Тола, – это ж сто лет назад было. После него она уже встречалась с тем напыщенным козлом из Челси, с которым они вместе участвовали в реалити-шоу, помните? То расставались, то сходились по сто раз. А сейчас у нее вроде обычный парень. Ассистентка ничего толком не сказала. Говорит, если мы согласимся, надо будет лично встретиться. Она хочет... – Тола понизила голос и изобразила воздушные кавычки, — *...напряженную серию случайностей.*

Мы с Эриком переглянулись и растерянно нахмурились.

– Она хочет устроить ему забег с препятствиями? По особо сложной трассе? Или что?

– Летний лагерь. На выживание.

Тола уперлась обеими ладонями в стол с очень драматичным видом и сделала паузу, убедившись, что завладела нашим вниманием. Она точно наслаждалась происходящим.

– Она хочет, чтобы мы целый месяц посвятили только ее делу.

– Господи Иисусе, что же там за парень? Бесноватый, что ли? Нам придется купать его в святой воде?

Эрик дело говорил, а я склонила голову и посмотрела на Толу, требуя более подробной информации. Но Тола лишь всплеснула руками.

– Это все, что я знаю. Но я мечтаю пойти на эту встречу. Если уж нам начали звонить богачи и знаменитости со странными предложениями, будьте уверены – нас ждет что-то интересное. И реки дорогого шампанского. – Она просияла и посмотрела на нас, как на строгих родителей, которые хотели запретить ей гулять до двенадцати. – Вы же согласны, да? Хотя бы выслушать ее? Мне так интересно!

– Вы идите и потом расскажете, – сказал Эрик и картинно закрыл лицо руками. – Я очень стесняюсь в присутствии звезд.

– Ты же даже не знал, кто это.

– Неважно. Даже если только они сами считают себя звездами, я все равно робею и не могу говорить. К тому же на этих встречах женщины всегда ждут, что я скажу что-нибудь, а потом говорят: «О, как интересно выслушать мнение мужчины!» – Он застонал, а Тола повернулась ко мне.

– Что ж, добро пожаловать в наш мир, – фыркнула я.

– Ладно, мы с Али встретимся с Принцессой Кошачьего Наполнителя, посмотрим, с каким балбесом она встречается и решим, стоит ли пачкать руки. Идет?

– Идет, – ответила я и добавила: – можно мне теперь заняться работой?

Тола закатила глаза.

– Ну если ты настаиваешь, – бросила она и ушла.

– Тебе не кажется, что мы тут лишние? – спросил Эрик и усмехнулся, качая головой.

– Может, Тола и над нами решила поработать, и меня снимают скрытой камерой, а потом сделают монтаж и покажут, как Толе удалось постепенно сделать из меня крутышку, – ответила я.

– Может, она растит наш потенциал и делает для нас все то же самое, что мы для парней наших клиенток? Потом окажется, что все это время она решала наши проблемы. – Он картинно вытаращил глаза и раскрыл рот, а я рассмеялась.

– Ты меня пугаешь, не хочу даже об этом думать. Иди! Увидимся.

Я успела заметить, как взгляд Эрика метнулся мне за спину, а потом он скривился. Блин.

Я повернулась, уже догадываясь, что увижу.

– Здравствуй, Хантер. Что сегодня стряслось?

Николетт Уэзерингтон-Смайт не привыкла ждать. Тола предложила ей встретиться в «Роял», и когда она согласилась, меня охватило любопытство. Что это за парень, которому требуется целый месяц нашего безраздельного внимания? Что за парень может сподвигнуть такую девушку, как Николетт, расстараться ради него? Она была настоящей красавицей, как все богатые девушки из реалити-шоу: тоненькая, аж больно смотреть, с золотистой кожей и больше похожая на оживший манекен, чем на живую женщину. Зачем же ей возиться с парнем, тем более обычным, не знаменитостью? Почему просто не сменить его на новую улучшенную модель?

Тола встретила меня на выходе из офиса и в ужасе уставилась на мой деловой костюм.

– Даже не начинай. – Я подняла руку и остановила проезжавшее черное такси. Мы запрыгнули на заднее сиденье, я продиктовала адрес таксисту, а он, поняв, что это всего в пяти минутах, недовольно заворчал. Однако мы не собирались ковылять на шпильках через всю Оксфорд-стрит даже на встречу с самой королевой Англии.

– Почему все черное, Али? За что ты объявила войну цвету? В мире так много красивых цветов! Их все можно носить!

– Черный выглядит профессионально, стройнит, на нем не видно грязь. Черный всегда в моде, – сказала я и полезла в сумочку за помадой. – К тому же, вот он, цвет, смотри! – Я накрасилась своей фирменной оранжево-красной помадой, используя камеру телефона вместо зеркала, и растерла помаду губами.

– Ты как-нибудь доверься мне и разреши сводить тебя по магазинам. Твоя жизнь не будет прежней, – вздохнула Тола, но улыбнулась, показывая, что шутит. – Может, как-нибудь подготовиться?

– Как, например? – В сумке завибрировал телефон, я поискала и наконец нащупала его. Мама. Ну естественно. Поморщившись, я переключила ее на голосовую почту и написала короткое сообщение с извинениями, заранее тревожась, как она отреагирует.

Тола смотрела на меня так, будто боялась, что я испорчу нам все дело. Я отложила телефон.

– О какой подготовке ты говоришь? – повторила я, чтобы она не решила, что я ее не слушаю.

– Ну, можно почитать про Николетт, – она прищурилась. – В чем дело? Ты же любишь все планировать заранее!

Я кивнула.

– Да, но мы пока ничего не знаем о самой ситуации. Встреча с клиентом и есть подготовка. Мы встречаемся, слушаем, задаем вопросы, а главное, Тола, запомни: ни на что не соглашаемся сразу, ясно?

Она махнула рукой, отдавая честь.

– Не беспокойся. Ты босс.

Да что ты говоришь. А мне так не кажется.

Встречаясь со знаменитостями, я всегда поражалась, насколько обычными те оказывались в реальности. Совершенно неприметными, в старых джинсах и поношенных кедах. Если бы Тола не увидела Николетт и не направилась сразу к ней, я бы еще долго оглядывала тускло освещенный бар, выискивая инфлюэнсершу при полном антураже, как на фотках с фильтрами в соцсетях.

Николетт сидела за стойкой в топе на одно плечо, рваных джинсах и сапогах из телячьей кожи. Длинные белокурые волосы ниспадали на одну сторону. Ее единственной необычной чертой были брови: густые и высоко изогнутые, как будто она постоянно ждала, что ей расскажут что-то интересное. Увидев нас, она улыбнулась и помахала, и мне показалось, что меня потянуло к ней, как магнитом.

– Привет-привет! – Николетт схватила нас за руки и расцеловала воздух рядом с нашими щеками, а потом указала на два соседних табурета. – Садитесь! Садитесь! Я *та-а-а-к* рада встрече! Мне *сто-о-о-лько* о вас рассказывали!

Несмотря на манеру растягивать слова, она выглядела довольно милой и оказалась гораздо более приветливой, чем я думала.

– Приятно познакомиться, Николетт... – заговорила я, но она завизжала:

– Ники! Прошу! Зови меня Ники! И давай на «ты»!

– Ники, – кивнула я, а она вскочила с места.

– Я заказала вам коктейли! – Она подвинула нам два неоноворозовых напитка. – Мой парень говорит, что не надо мешать барменам делать их работу, но мне нравится придумывать что-то свое, и я сама диктую им ингредиенты. Получается мой фирменный коктейль. Вот сегодня придумала «Пьяного от любви фламинго»!

Тола потянулась за своим стаканом, а я отпила из своего и натянута улыбнулась. Вкус у коктейля был такой, будто куклу Барби и розового пластмассового пони измельчили в блендере с целым грейпфрутом.

– Освежающе! – Я моргнула и причмокнула губами.

– Это же так приятно: приходишь в бар, а там тебя уже ждет коктейль! – Ники повернулась ко мне и улыбнулась. – В жизни приходится принимать так много решений. Люблю, когда кто-то берет часть обязательств на себя. – *Ну да, например, коктейль можно было доверить бармену.*

– Итак, – я изобразила оживление и крайнюю заинтересованность, – расскажи нам про своего парня.

Я всегда называла мужчин «парнями», как будто все происходило на пижамной вечеринке, а мы были школьницами и делились секретами за дешевыми баночными коктейлями. Я рассуждала так: пусть клиентка сначала перечислит все, что ей нравится в парне, а потом уже переходит к недостаткам, которые хочется исправить. Пусть сначала расслабится, а потом признает, что в отношениях не все гладко.

– О, да он просто потрясающий, он... – начала она и тут же осеклась. – О, погодите, я забыла. Сначала надо, чтобы вы подписали кое-какие документы – сами понимаете. За мной гоняются таблоиды, рисковать нельзя.

Она вручила нам два стандартных договора о неразглашении; мы с Толлой пробежали их глазами и подписали. Хотя Ники сначала предложила нам выпить, разве это не делает договор недействительным? Впрочем, мне было все равно; я не собиралась никому ничего рассказывать об ее парне. Мне просто хотелось узнать, в чем проблема Ники. И еще какая-то крохотная и упрямая частица моего существа желала доказать, что я, Алисса Арести, способна изменить мужчину, который не поддался даже красивой и знаменитой наследнице.

Мы передали ей документы, а она убрала их в свою большую сумку.

– Чудесно! Значит, вы хотите, чтобы я вам о нем рассказала? – спросила Ники, видимо, ожидая услышать восторженные крики «да», но мы просто кивнули. – В общем, мы познако-

мились пару лет назад в ресторане... он пролил на меня напиток, а когда я предположила, что он сделал это нарочно, он сказал, что «делать ему нечего»! – Ники рассмеялась пронзительным дребезжащим смехом, будто кто-то тряс монетки в жестяной банке. – Я думала, он знал, кто я, но он даже обо мне не слышал. А мне понравилось, что он такой плохиш, и его грубоватое обаяние. Он совсем не пытался произвести на меня впечатление и этим отличался от всех моих знакомых. – Ники закатила глаза, будто подчеркивая, какие глупые у нее знакомые, раз пытаются произвести на нее впечатление. Но мне показалось, что на самом деле ей это нравилось.

– Естественно, когда мы познакомились поближе, я поняла, что он совсем не такой. Он добрый, дружелюбный, со всеми ладит. У нас было несколько свиданий, совершенно... обычных. Мы не ходили в шикарные рестораны. Представьте, однажды пошли даже в «KFC»! – Она прижала ладонь к груди, будто сама эта мысль казалась ей невероятной. – А потом постепенно я начала показывать ему свой мир. Мы ездили в потрясающие путешествия, ходили в более крутые рестораны, и он познакомился с ребятами из моих шоу...

И ему понравилось. Ну естественно. Разве может такая жизнь не понравиться? Роскошь и блеск, бесплатные коктейли и путешествия первым классом. Мне бы точно понравилось.

– Теперь он понимает, что у меня за жизнь, к чему я привыкла. Мы ездим путешествовать, он планирует свидания и понимает, на что рассчитывает такая девушка, как я. Я не из тех, кого можно сводить в «KFC», понимаете? Он это понял. Но... у меня такое чувство, что он не одобряет мой род занятий.

А чем ты, собственно, занимаешься?

– Что именно он не одобряет? – спросила Тола, идеально сформулировав вопрос. Я чуть не бросилась ее обнимать.

– Мою карьеру инфлюэнсера. Он считает... – Ники судорожно вздохнула, – ...что я как будто постоянно играю перед невидимыми зрителями. Говорит, что я никогда не бываю собой и мои подписчики всегда рядом со мной, в том числе в личной жизни.

– Ага, – Тола кивнула, – но это же ваша работа. Вы должны быть уязвимой и настоящей перед подписчиками. Плакать и радоваться на камеру.

– Вот именно! Вот именно! – горячо жестикулируя, воскликнула Ники. – Вот ты понимаешь! Ты меня понимаешь! Мои подписчики – мой хлеб! Я должна поддерживать интерес, иначе не будет работы. Статистика, охваты, вовлеченность – все это должно оставаться на высоте. Но он этого не понимает.

– А чем занимается твой парень, Ники? – спросила я.

Не всякий способен понять особенности цифрового маркетинга и заработка в соцсетях, особенно люди традиционных профессий. Видимо, придется просто объяснить этому парню, что это такая же работа и она тоже имеет ценность. Что именно благодаря этой работе они могут путешествовать первым классом. Думаю, за месяц точно справимся.

– Он разработчик приложений.

Я чуть не выплюнула барби-коктейль на стойку.

– Разработчик приложений, который не понимает ценность соцсетей как платформы для продвижения бренда? – Тола произнесла это таким возмущенным тоном, что я чуть не расхохоталась.

– Он развивает свой стартап, ценит инновации и творчество. Он все понимает, но... хочет, чтобы я сбавила обороты. – Ники склонила голову набок. – А я, наоборот, хочу, чтобы он прибавил.

Ах так, подумала я, кажется, мы подбираемся к сути.

– Что ты имеешь в виду? – Я наклонилась вперед, чтобы расположить ее к себе и заставить рассказать все, как есть, чтобы я смогла идентифицировать проблему и поставить диагноз ее отношениям.

– Ну, во-первых, мне хочется, чтобы он продвинулся в профессиональном плане. Он уже некоторое время «развивает свой стартап», но так толком ничего не развил, понимаете? Он слишком осторожен. Он уже обжигался, и я все понимаю, но разве смысл стартапа не в том, чтобы все делать быстро? Получаешь финансовую поддержку и вперед.

– Точно, – кивнула я, – а он, значит, не спешит. Скажи, а ты давала ему деньги на стартап?

– Нет, он мне не разрешает. Говорит, это целиком его дело, его ответственность. Но я дала бы, у него очень классная идея. Он гений, говорю вам.

Никки произнесла это с абсолютной уверенностью.

Значит, дело не в деньгах. Парень честен и хочет все сделать сам. Может, ему нужна моральная поддержка?

У меня снова завибрировал телефон. Я бросила недовольный взгляд на экран. Снова мама. Я опять переключила ее на голосовую почту, виновато взглянула на Ники, но та, кажется, даже не заметила.

– В общем, мне кажется, что я просто горю построением своего бренда, а он – нет. Я будто тащу его за собой, и мне это надоело. И мне просто некогда.

Тола улыbnулась. Надо отдать Ники должное, она вела себя так, как нравилось Толе: ставила себя на первое место. Пусть в таблоидах ее называли эгоистичной избалованной принцессой, мне она была симпатична.

– В конце месяца у него важная встреча. Он будет представлять свой проект инвесторам, и, думаю, ему нужно помочь.

Я нахмурилась.

– Это, конечно, целиком и полностью в наших интересах, но почему ты не обратишься к бизнес-коучу? Почему к нам? Мы специализируемся на отношениях.

– Потому что у меня тоже важная встреча в конце месяца... – Она огляделась, подбирая нужные слова, будто их можно было прочесть в воздухе, на витражных окнах или бархатной обивке кресел. – Мне не хватит сил на нас обоих.

Ах, детка.

Я ее прекрасно понимала. Со мной такое случалось много раз. Чувство, будто ты тащишь друга со сломанной ногой последние сто метров марафона к финишной прямой. Только этот друг к марафону не готовился, надел неудобную обувь, или, может, совсем не собирался никуда бежать и был бы рад, если бы я с самого старта везла его за собой на тачке.

Тола потянулась и накрыла своей ладонью руку Ники. Та взглянула на нее из-под ресниц и судорожно вздохнула. Кажется, с облегчением.

– Как же я рада, что вас нашла! Я не знала, как поступить. Сами понимаете, такая, как я должна встречаться с очень успешным человеком. С тем, кто хочет быть частью моей жизни, но при этом сам собой тоже что-то представляет.

Пытаться уследить за мыслительным процессом Ники было невозможно. Я будто гонялась за бабочкой в сауне. Интересно, много ли ее монологов вырезали из того реалити-шоу?

– Значит, для тебя важно, чтобы твой парень был успешным? – спросила я.

– О да, это очень важно. Это же социальный капитал, понимаете? Мой агент хотел, чтобы я начала встречаться с другой звездой реалити-шоу или с начинающим актером, в общем, с кем-то, кто укрепил бы мой бренд и открыл для меня совершенно новую аудиторию. Но я влюбилась, тут уж ничего не поделаешь. – Ники пожала плечами. – Но кое-что мы все-таки можем исправить: повлиять на его отрицательное отношение к соцсетям. Если к концу месяца он хотя бы чуточку продвинется в соцсетях...

– ...инвесторы лучше воспримут его предложение, да?

– Именно. Но это благоприятно повлияет и на исход моей встречи. Передо мной открываются очень большие перспективы, но без него ничего не получится. Он должен блистать, производить хорошее впечатление и не бояться соцсетей.

Я почувствовала на себе взгляд Толы и попыталась не заскрежетать зубами.

– Ники, если мы будем работать вместе, нам нужно точно знать, чего ты хочешь, чтобы ты не питала напрасных ожиданий. Можешь рассказать о своем большом проекте?

Она округлила глаза, наслаждаясь драматическим накалом.

– Только никому ни слова. Ни одной живой душе!

Я сделала жест, будто застегиваю рот на молнию.

– Это новое шоу «Звездные свадебные войны», – воскликнула она и захлопала в ладоши. – Три звезды ходят друг к другу на свадьбы и оценивают их. Победительница выигрывает деньги на благотворительность. Если я выиграю, организаторы обещают запустить для меня коллекцию свадебных платьев со знаменитым дизайнером. Моя собственная коллекция свадебных платьев, представляете?

– Не представляю.

– Теперь понимаете, почему вы нужны мне на месяц? Предстоит много работы! Большие перемены и предложение руки и сердца! – Она снова рассмеялась, и от ее дребезжащего смеха у меня зубы заболели.

Признаться, я обалдела. Значит, эта женщина хочет, чтобы ее парень, скромный айтишник, запустил свой стартап, полностью изменил свое отношение к соцсетям, раскрутился до уровня инфлюэнсера и сделал ей предложение, и все до конца месяца? Она в своем уме?

– Не хочу тебя обидеть, Ники, но ты не думала, что проще будет... просто избавиться от него и начать с чистого листа? – Я ничуть не шутила.

Она расхохоталась.

– Ну ты юмористка. – Ники повернулась к Толе. – Скажи, она юмористка? Нет, я так не могу. Я же его люблю.

– Но... учитывая, как ты его описала... ваши желания совершенно не совпадают. Ты просишь нас превратить его в совсем другого человека. За месяц. А вы вообще говорили о браке? Давно вы вместе?

Ники отмахнулась от моих доводов, как будто я была ее назойливой старой тетушкой.

– Около года. Естественно, мы говорили о браке, мы сто раз ходили на свадьбы моих подруг. Эта тема всегда всплывает.

– И? – спросила Тола. Безмятежная улыбка стерлась с ее лица.

– Он все время говорит, что надо дождаться подходящего момента. И вот для этого вы мне и нужны. Убедите его, что подходящий момент настал. Может, он так обрадуется успеху у инвесторов, что сам решит, что пора!

– Кольцо он сам выберет, или с этим тоже нужна наша помощь? – язвительно заметила я, а Ники захихикала.

– Я уже выбрала кольцо. Нельзя доверять мужчинам выбирать кольца, которые вам потом всю жизнь носить! Я же не какая-то ненормальная!

Романтичной меня назвать было сложно, но снова вспомнила своих бабушку и дедушку. Как те танцевали по вечерам, а в дедушкиных глазах читалась нежность, когда он смотрел на бабушку через комнату. Как иногда она, проходя мимо, касалась его щеки. Любовь.

Ники будто разом осквернила все прекрасное и романтическое в этом мире. Вот что делает с человеком круглосуточное внимание и неограниченные ресурсы. С таким крайним проявлением нарциссизма мне еще сталкиваться не приходилось.

– Ники, честно скажу, не знаю, сможем ли мы это проверить, – осторожно проговорила Тола.

– Не скромничайте! – Ники отмахнулась, будто наши доводы казались ей совершенно неубедительными. – Я бы сама это провернула, будь у меня время, но я слишком занята. Мой бывший тоже сначала не горел идеей брака, а потом сделал мне предложение. – *Тот парень из реалити-шоу?*

– Но он понимал пользу этого брака для ваших личных брендов, – заметила Тола. – Он тоже принадлежал к этому миру.

Ники раздосадованно вздохнула.

– Послушайте, почему бы вам сначала с ним не познакомиться? Ведь все с этого начинается, верно? Сначала вы знакомитесь с парнем и оцениваете ситуацию? Если решите, что все безнадежно, так и быть.

Мы с Толой замаялись, не решаясь ответить ни «да», ни «нет», и Ники подумала, что мы согласны. Она кивнула и взяла телефон.

– Ладно. Теперь по поводу гонорара.

– Гонорара?

До этого мы просили клиентов только оплатить счета в барах и считали наше занятие хобби, приносящим бонусы в виде бесплатного шампанского. Я никогда не думала, что «Ремонт судьбы» станет настоящим бизнесом, ведь у меня была работа. Я думала, мы просто втроем играем в переодевания и помогаем людям. Но эта история, похоже, грозила стать настоящим кошмаром с подписанием контрактов, юридическими обязательствами и прочим.

– Гонорар за ваше время, дорогие мои, если все же возьметесь за проект. Я понимаю, работы много, тут и бизнес-коучинг, и продвижение в соцсетях, и романтическая составляющая... тянет на месячную зарплату коуча как минимум.

– Ну... да, нам бы посоветоваться и составить смету в зависимости от количества часов... – начала Тола, но Ники снова замахала руками.

– Я подумала и решила, что с учетом среднемесячной зарплаты коуча, расходов на транспорт и прочего должно получиться около десяти тысяч, что скажете? Хотя, естественно, если возникнут другие траты, я все оплачу.

Она смотрела на нас, широко раскрыв глаза и не мигая, а Тола сжала мое колено под столом, будто предупреждая: *только попробуй мне все испортить. Десять штук. Десять штук* за то, чтобы постепенно изменить личность парня за месяц. Десять штук!

Я сделала глубокий вдох.

– Ники, ты же понимаешь, мы не можем гарантировать, что он сделает тебе предложение.

Она улыбнулась, как Чеширский кот.

– Конечно, понимаю, дорогая. Юридически это очень трудно оформить. Но мы можем продумать более... мотивирующую схему выплат. Например, пять тысяч сразу и остальное бонусом, если все получится?

Я запаниковала. Почему мне кажется, что это совсем другое дело, что этот случай отличается от всех других, когда женщины просто жалуется на своих непутевых бойфрендов, не желающих брать на себя обязательства? Почему у меня предчувствие, что с этой Ники нас ждут неприятности? То ли дело в деньгах, то ли мне просто жаль бедного парня.

Я в панике метнула взгляд на Толу. Та похлопала меня по руке.

– Ники...

– Просто встретьтесь с ним, ладно? Не настраивайтесь сразу на негатив! – Она снова улыбнулась идеальной широкой улыбкой, слишком широкой для ее лица – как будто пиранья, замаскированная под дельфина, вдруг сбросила маску. Тут ее взгляд устремился вдаль, и она воскликнула: – А вот и он!

Ники встала и помахала, и тут я поняла, что она сделала. Она наняла нас, чтобы манипулировать своим парнем, и манипуляциями же заставила нас с ним встретиться. Ну естественно, а как еще? Для этой женщины не существовало преград. Я бы восхитилась ей, не будь я в бешенстве.

Я повернулась к Толе, округлив глаза; та сидела, вскинув бровь, с весьма недовольным видом. Впрочем, какая разница; все равно мы не согласимся на это дурацкое предложение.

Сейчас поздороваемся, извинимся и пойдем смеяться над этим случаем в нормальный бар, где подают нормальные коктейли. Тола кивнула, будто прочитав мои мысли.

И тут я увидела его.

Мужчина, который шел навстречу Ники, был высокого роста, темные волосы искусно убраны назад, голубые глаза неотрывно смотрели на нее. Он лениво улыбался. Я узнала эту улыбку. Я узнала бы ее и через сто лет.

На нем был темный костюм и белая рубашка с расстегнутым воротником; мне не надо было даже смотреть на этого парня, я и так знала: на шее он носит серебряный медальон со святым Христофором, один из его передних зубов – коронка. Откуда я это знала? Оттуда же, откуда знала, что он боится лошадей, что в тринадцать лет сломал ногу, а в задумчивости сжимает кончики большого и указательного пальцев.

Дилан Джеймс.

Он был моим детством, моим лучшим другом и первой любовью. И я не видела его пятнадцать лет.

Глава шестая

Меня сейчас стошнит, подумала я, меня точно стошнит! Как притвориться невозмутимой? Холодной и сдержанной? Сделать вид, что не случилось ничего особенного, и надеяться, что он сделает то же самое? Мне надо притвориться, как все притворяются, когда встречаются человека из прошлого. Стать дерзкой и обаятельной, как тогда с Джейсоном в очереди в ресторан. *Взгляни, у меня все прекрасно!*

Но Дилана не проведешь фальшивыми улыбками. Он видел меня насквозь.

Он подошел к столику, я встала и приготовилась, что сейчас он меня узнает...

– О боже, – проговорила я, и Дилан повернулся ко мне.

– Вот это приветствие! – Наши взгляды встретились, он рассмеялся и подал мне руку. – Дилан Джеймс. Рад знакомству.

У меня вытянулось лицо. Я стояла, все еще держа его за руку, и чувствовала, как внутри меня все скукожилось. Хотелось закричать: *Дилан, дубина, это же я!* Но потом я заметила, как он на меня смотрел, и осеклась. Он не случайно меня не узнал. Он притворялся. Нарочно.

И это было хуже лживых любезностей. Намного хуже.

У меня вдруг поплыло перед глазами. Я села.

– Это Али и Тола, – прошептала Ники, глядя в телефон. На нас она даже не смотрела. – Бизнес-коучи. Я обсуждала с ними пару своих проектов, но мне кажется, они и тебе могут быть полезны накануне важной встречи с инвесторами. Что скажешь, малыш?

Она взглянула на него, явно рассчитывая, что он обрадуется. Дилан потер шею и поморщился.

– Скажу, что я тут всего полминуты, а ты уже пытаешься вмешиваться в мою жизнь. – Он поцеловал Ники в висок – наверное, чтобы не было так обидно за его слова, – забрал у нее телефон и положил на стол. Ники подняла бровь, но промолчала.

Про вмешаться в жизнь это ты верно угадал, *мальши*.

– Значит... – Наши взгляды снова встретились, и я поняла, что тарашусь на него во все глаза. *Скажи что-нибудь, скажи что-нибудь!* – Если я вас найму, вы будете всегда рядом, так? Целый месяц будете меня консультировать? А то привыкну к вам, а в самый нужный момент вы исчезнете. – Дилан посмотрел в сторону, глотнул пива и кивком поблагодарил официанта, который принес бокал. – Это было бы не очень... профессионально.

Ах, вот значит, как.

Мне хотелось начать оправдываться и спорить – мол, я уехала в университет, а у тебя была девушка, и вообще, иди к черту. Но я сдержалась.

Ответила Тола: объяснила, что мы работаем в Лондоне, познакомились пару лет назад и параллельно с работой в агентстве начали свое дело.

Дилан сидел, откинувшись на спинку дивана, кивал и улыбался. Такой расслабленный, такой вежливый. А сам сверлил меня своими голубыми глазами, будто бросая вызов.

– А вы – Али, верно? – *А то ты не знаешь, как меня зовут, притворщик. Ты знаешь мое полное имя, имя моей мамы и имя кролика, который был у меня в двенадцать лет.*

– Алисса. – Я улыбнулась своей самой профессиональной улыбкой, хотя улыбаться ему было так же приятно, как жевать стекло. – Какой у вас вопрос?

– Можно ли вам доверять? Если я найму вас, могу ли я рассчитывать, что вы никуда не денетесь?

Неужели этот надменный усмехающийся тип – тот самый мальчик, что держал меня за руку, когда мои родители развелись? И плакал на моем плече, когда умерла его мама? Тот, с кем я выкурила свою первую сигарету, распила первую бутылку пива? С кем делилась всеми тайнами? Всеми, кроме одной, которой поделиться не смогла?

– Я до конца предана тем, кто говорит мне правду. – Я натянуто улыбнулась и посмотрела ему в глаза. С удовлетворением заметила, что в них промелькнула досада. Но от прошлого не спастись. Дилан Джеймс мог сколько угодно притворяться, но я знала, кто он на самом деле, и потому обладала над ним особенной властью.

Кажется, мы слишком долго играли в гляделки, потому что я заметила, как Тола смотрит на меня с подозрением. Она решила вмешаться.

– Мы чисты, как слеза, зачем нам что-то скрывать?

Все это время Ники с интересом за нами наблюдала, подперев рукой подбородок. Словно мы были героями реалити-шоу, а она никак не могла оторваться от экрана. Может, она решила, что это часть игры, что я гипнотизирую клиента, пока тот не перестанет вести себя, как придурок? Но потом я заметила, что она то и дело стреляет глазками на телефон, будто ждет возможности его забрать. Каким бы любопытным ни было наше общение, мы не могли соревноваться с сотнями тысяч верных подписчиков, согласных с каждым ее словом.

Дилан повернулся к Толе, внимательно обдумывая свой следующий вопрос.

– Значит, вы – бизнес-коучи?

– Мы помогаем людям раскрыть потенциал. Это наш конек, – ответила я вместо Толы и взглянула на него, склонив голову набок. *Ты разве не помнишь? Ведь ты был первым, кому я помогла.*

Он презрительно усмехнулся.

– Как мило. Значит, будете держать меня за ручку и подбадривать?

– Малыш! – взвизгнула Ники, смущенно улыбаясь. – Не груби!

– Ну, домашку по математике мы за вас делать не будем, если вы это имеете в виду, – огрызнулась я, уже не скрывая враждебности. Даже улыбка не могла ее замаскировать. Дилан ухмыльнулся, явно чувствуя себя победителем в этом раунде.

Я так обрадовалась, увидев его, хотя одновременно готова была провалиться сквозь землю. И если бы он сразу поприветствовал меня ухмылкой, сразу равнодушно пожал плечами, я бы не обиделась. Но теперь я чувствовала себя такой душой, ведь на долю секунды обрадовалась его появлению. Как ребенок, которого жестоко обманули.

– Что ж, оставьте свою визитку. А то я уже устал сам раскрывать свой потенциал, знаете ли, – рассмеялся он, в этот раз искренне, и подмигнул. Подмигнул! Я ошетибилась, но он уже повернулся к Толе и принялся расспрашивать про ее кожаную куртку, расписанную вручную, и интересоваться мнением Ники об этом модном тренде. Мне было нечего сказать, и я молчала.

Дилан всегда умел обаять, даже когда был застенчивым неуклюжим подростком. Как бы люди на него ни злились, он всегда умудрялся заставить их улыбаться. Он знал, что после этого ни влюбленная девушка, ни учитель географии не смогут сопротивляться его обаянию. Мне всегда было любопытно, превратятся ли эта харизма и дружелюбие в неконтролируемое самолюбование, если меня не будет рядом и я не буду подтрунивать над ним, спуская с небес на землю. Кажется, именно это и произошло. Вот только несправедливо, что он превратился в такого красавчика.

Впрочем, Ники не стала бы размениваться на меньшее. Она подмечала каждый взгляд, брошенный на него официантками, каждую женщину, которая оборачивалась, когда они проходили мимо, и ей, несомненно, нравилось такое внимание к ее парню. Разумеется, бывший Ники, звезда реалити-шоу, наверняка привлекал в десятки раз больше внимания, но и этих маленьких сигналов ей было достаточно, ведь они подтверждали, что она вновь выбрала кого-то особенного.

Дилан окреп, стал мускулистым и широкоплечим; когда он опирался о спинку дивана, под рукавами рубашки просматривались плотные бицепсы. Удивляться, наверное, не стоило: его отец был военным и по воскресеньям, утром всегда заставлял его делать армейскую зарядку. Но кое-что в нем совсем не изменилось. У него были такие же густые изогнутые тем-

ные ресницы. Помню, сколько раз я жаловалась, что ему от природы достались ресницы, как у Бэмби, а я чуть не ослепла, орудуя щипцами для ресниц и щеточкой для туши. Он хлопал глазами и ухмылялся. *Зачем ты мучаешься, Али? Тут же никого, кроме нас с тобой, нет, какая разница.* Я всегда была для него лучшей подругой; как девушку он меня не воспринимал.

Он, видно, чувствовал на себе мой взгляд, потому что то и дело посматривал на меня, а потом снова поворачивался к Ники. Интересно ли ему, какое впечатление он произвел? Бойтся ли он, что я его оцениваю и через столько лет прихожу к выводу, что он изменился к худшему? А какого он мнения обо мне? Об этом даже думать не хотелось.

Через десять минут, показавшихся вечностью, мы попрощались. Дилан не смотрел мне в глаза. Он сфокусировал взгляд на мочке моего левого уха и махнул рукой, не вставая с дивана.

– Очень рад знакомству, – произнес он с каменным лицом, поджав губы.

– Аналогично, мистер Джеймс, – отчеканила я, – очень занимательная встреча.

Я снова ощутила раздражение и поняла, что выиграла этот раунд. Я бы порадовалась, но мне почему-то хотелось рыдать.

Когда мы наконец вышли на шумную улицу, Тола схватила меня за руку.

– Это что такое было? – спросила она.

– Ты не поверишь, что это было.

Я чувствовала себя так, будто меня сбила машина, а серое лондонское небо и снующие мимо прохожие лишь усугубляли мое смятение. Мои чувства, видимо, отразились на лице, и Тола решила взять ситуацию в свои руки.

Она отвела меня в бар за углом, усадила за столик, подошла к стойке, заказала два мартини и тарелку жареных во фритюре закусок. Тола часто говорила, что луковые колечки – лекарство для души.

Когда она подошла, я уже немного оправилась. Тола поставила передо мной бокал и велела пить, как будто мы проводили некий ритуал перед началом разговора.

– Ну что, тебе лучше? – спросила она. Я сделала еще один глоток и кивнула.

– Хорошо, – она положила ладони на стол, – теперь рассказывай.

Я не знала, с чего начать и выкладывать ли ей всю подноготную. Может, оставить за кадром самые неудобные моменты, преуменьшить роль, которую сыграл в моей жизни Дилан? Объяснить все коротко?

– Дилан Джеймс – мой лучший друг.

Тола нахмурилась.

– А по вам и не скажешь.

Я поморщилась. Вот я дура.

– Был. Был моим лучшим другом. – Хотя за эти пятнадцать лет я так и не нашла ему замену. До знакомства с Толой и Эриком он был моим единственным настоящим другом, но мне было стыдно в этом признаваться. Я плохо сходилась с людьми.

После расставания с Диланом я вела себя тише воды, ниже травы, занималась только учебой, боялась снова обжечься и встречалась с парнем, который, кажется, даже не замечал моего присутствия. *Тебя сложно полюбить, Али,* говорил он. *Ты будто этому противилась.* Три впустую потраченных года с человеком, который так и не смог меня полюбить. Зато занял в моей жизни место друзей, хобби и всего прочего, чем обычно занимаются люди, впервые уехав из дома и начав самостоятельную жизнь.

Вот почему я закончила университет с красным дипломом, но на церемонии вручения мне даже некого было обнять.

– Мы с Диланом познакомились в пятом классе, в первый учебный день. Мы понимали друг друга без слов...

Я пыталась сопоставить воспоминание о Дилане-подростке с образом взрослого мужчины, которого только что видела, но не сумела. Мой Дилан все время улыбался, и не натяну-

той фальшивой улыбкой, а настоящей, открытой. Он громко смеялся. Такого громкого смеха я больше ни у кого не слышала.

– А потом вы поссорились и больше не разговаривали? – Тола сама додумала конец истории. – Потому что именно так все и выглядит со стороны. Вот только зачем вы притворялись, что не знакомы?

– Нет, все было сложнее... – Я вздохнула, прикидывая, стоит ли ей открываться, ведь я рисковала оказаться в очень уязвимом положении. Но Тола улыбнулась и похлопала меня по руке.

– Рассказывай.

– Я в него влюбилась. В выпускном классе. И подумала, что поступлю в университет и непременно встречу там кого-нибудь, и тогда это пройдет. – Я поджала губы. – Начну новую жизнь, мы останемся просто друзьями, и все будет идеально.

– Но...

– Но мы пришли на вечеринку, и там играли в «правда или действие», подошла очередь Дилана, он выбрал действие, и ему выпало меня поцеловать. Как будто это было худшее, что только можно придумать, самое абсурдное для него наказание. – Я успокоила дрожавший голос и постучала кончиками пальцев по столу. – Ты когда-нибудь целовалась с парнем, в которого влюблена, перед толпой твоих знакомых, которым все происходящее кажется очень смешным? Меня это сломало. Я одновременно получила, что хотела, и пережила худшее в своей жизни унижение. После поцелуя он улыбнулся, погладил меня по щеке с такой нежностью в глазах, и на миг мое сердце преисполнилось надежды. Может, для него этот поцелуй тоже что-то значил? Но потом он повернулся к друзьям и сказал: «Ну что, извращенцы, довольны? Следующий!» В общем, с горя я напилась. Выпила полбутылки текилы и съела целый лимон. Меня просто унесло. – Я заморгала, прогоняя стыд, который испытывала до сих пор.

– Что ж, бывает. Ты была подростком., – Тола пожалала плечами и тихонько пихнула меня, напоминая, что она рядом и готова меня поддержать.

– Вспоминаю об этом и понимаю, как это было опасно, ведь в этом возрасте совсем себя не контролируешь! И совсем не думаешь о здоровье!

Тола склонила набок голову и посмотрела на меня скептически, будто хотела сказать: *да ты и сейчас особо не думаешь о здоровье*. Она помолчала и произнесла:

– Детка, правильно я догадалась, что счастливого конца у этой истории не будет?

Я покачала головой, и она кивнула. В тот момент я поняла, что каким бы ни был конец этой истории, Тола поддержала бы меня в любом случае и отреагировала бы точно так же: отпила martini, ласково улыбнулась и велела бы мне продолжать не спеша.

– Дилан отыскал меня, отвез домой и успокоил. Я почти ничего не помню, не помню, что ему наговорила. Меня вырвало, он дал мне свою футболку. Я, наверно, все-таки сболтнула лишнего, потому что помню, как в один момент сказала что-то, и он в ужасе вытаращился на меня. Он был в шоке.

Господи, как же трудно было рассказывать об этом даже спустя столько лет. И даже Толе.

– Потом настало утро, я проснулась и обнаружила, что лежу под одеялом, а он – на одеяле. У него зажужжал телефон. Его девушка забросала его сообщениями, она была недовольна, что он возился со мной вместо того, чтобы лишить ее девственности, о чем они предварительно договорились. – Я попыталась посмеяться над этим, но Тола не смеялась. У нее было грустное лицо, будто она догадывалась, к чему все шло. – И пока я спала, он отправил ей несколько сообщений... писал, что вынужден со мной возиться, что я ему уже надоела и скорее бы я уже уехала в университет на другой конец страны, тогда не надо будет больше обо мне беспокоиться... По правде говоря, мне всегда казалось, что я таскаюсь за ним, как хвост, ведь он был таким популярным парнем и легко вливался в любую компанию. Но я не понимала, что он тоже меня так воспринимал. Судя по этим сообщениям, я была для него жалкой малень-

кой прилипалой, которая позорно влюбилась в него по уши и вечно таскалась за ним, вечно надеялась на что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.